

Ассоциация
Российских
Банков

Национальный исследовательский
институт Доверия, Достоинства и Права

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

Материалы «Рабочего завтрака у Тосуняна»
5 апреля 2025 года

ДОКЛАДЧИКИ:

Давыдов Иван Павлович

доктор философских наук,
профессор кафедры философии религии
и религиоведения философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

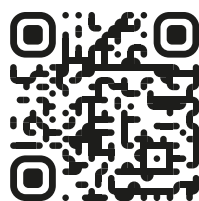
Шабуров Николай Витальевич

кандидат культурологии, профессор,
директор Центра изучения религий
Российского государственного гуманитарного университета

Карпов Кирилл Витальевич

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник Института философии РАН,
доцент кафедры истории зарубежной философии
философского факультета Российского государственного
гуманитарного университета

НКС ООН РАН
Научно-консультативный совет
по правовым, психологическим
и социально-экономическим проблемам общества
Отделения общественных наук РАН

АРБ
Ассоциация российских банков

НИИ ДД_иП
Национальный исследовательский институт
Доверия, Достоинства и Права

Религия и общество

Материалы заседания 5 апреля 2025 года

Под общей редакцией
академика РАН
Г.А. Тосуняна

Москва
2026

УДК 2-67(100)(063)
ББК 86.212(0)я431
Р36

Религия и общество : материалы заседания 5 апреля 2025 года / Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук Российской академии наук ; Ассоциация российских банков ; Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права ; [под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна]. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 164 с. – ISBN 978-5-6054924-8-1

Сборник посвящен религии, ее влиянию на общество, которое не всегда трактуется исключительно положительно. Религия является одним из древнейших общественных институтов, она и сегодня глубоко вплетена в политику, искусство, литературу и другие сферы жизни общества. Среди участников обсуждения – ученые-религоведы, теологи, историки религии, философы, представители других отраслей современной науки. Они размышляют не только о религиозных и теологических подходах к изучению религиозных феноменов, но и о вечном и потустороннем на пути к познанию мира.

УДК 2-67(100)(063)
ББК 86.212(0)я431

Охраняется в соответствии с международным правом и российским законодательством об авторском праве.

СОДЕРЖАНИЕ

Состав Научно-консультативного совета по правовым, психологическим и социально- экономическим проблемам общества (НКС ППСЭПО) ООН РАН	6
Справка	9
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	
акад. ТОСУНЯН Г.А.	12
Доклад 1 д. филос. н. ДАВЫДОВ И.П.	19
РЕЛИГИЯ ГЛАЗАМИ РЕЛИГИОВЕДА	
к. филос. н. ЕФРЕМОВ О.А. – д. филос. н. ДАВЫДОВ И.П.	31
акад. ИВАНОВА Н.И. – д. филос. н. ДАВЫДОВ И.П.	36
проф. ШАБУРОВ Н.В. – д. филос. н. ДАВЫДОВ И.П.	38
к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б. – д. филос. н. ДАВЫДОВ И.П.	41
д. э. н. МОКИЙ М.С.	43
д. филос. н. <u>МОМДЖЯН К.Х.</u> – д. филос. н. ДАВЫДОВ И.П.	44
чл.-корр. КАСАВИНА Н.А. – д. филос. н. ДАВЫДОВ И.П.	49
к. ю. н. СЕРГЕЕВ П.В. – д. филос. н. ДАВЫДОВ И.П.	52
д. филос. н. <u>МОМДЖЯН К.Х.</u> – д. филос. н. ДАВЫДОВ И.П.	54
к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б. – д. филос. н. ДАВЫДОВ И.П.	56
Доклад 2 к. культурологии, проф. ШАБУРОВ Н.В.	58
РЕЛИГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ: ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ	
к. филос. н. КРЖЕВОВ В.С. – проф. ШАБУРОВ Н.В.	67
проф. МЕДВЕДЕВ П.А. – проф. ШАБУРОВ Н.В.	70

ИГИТЯН М.Ю. – проф. ШАБУРОВ Н.В.	74
д. филос. н. МОМДЖЯН К.Х. – проф. ШАБУРОВ Н.В.	76
проф. ТЕДЕЕВ А.А. – проф. ШАБУРОВ Н.В.	78
проф. КАЛАШНИКОВ С.В. – проф. ШАБУРОВ Н.В.	79
 Доклад 3 к. филос. н. КАРПОВ К.В.	 82
ВОПРОС О РАЦИОНАЛЬНОСТИ /	
ИРРАЦИОНАЛЬНОСТИ РЕЛИГИИ	
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	
 д. б. н. ЛЕТАРОВ А.В. – к. филос. н. КАРПОВ К.В.	 93
к. ю. н. СЕРГЕЕВ П.В. – к. филос. н. КАРПОВ К.В.	96
чл.-корр. КАСАВИНА Н.А. – к. филос. н. КАРПОВ К.В.	98
проф. ШАБУРОВ Н.В. – к. филос. н. КАРПОВ К.В.	100
к. ю. н. ТОРШИН А.П.	103
к. филос. н. БЕЛОВА Т.П.	104
к. филос. н. ЕФРЕМОВ О.А.	106
чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф.	110
к. г. н. АКСЁНОВ Г.П.	113
МОСКОВКИН Л.И.	116
д. б. н. ЛЕТАРОВ А.В.	118
к. ю. н. СЕРГЕЕВ П.В. – акад. ТОСУНЯН Г.А.	120
акад. НИГМАТУЛИН Р.И. – акад. ТОСУНЯН Г.А.	122
СМОЛИН В.С. – акад. ТОСУНЯН Г.А.	124
к. ю. н. МАРКАРЬЯН Р.В.	129
САВАТЮГИН А.Л.	132
 ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА	
д. филос. н. ДАВЫДОВ И.П.	135

к. культурологии, проф. ШАБУРОВ Н.В.	141
к. филос. н. КАРПОВ К.В.	145

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

акад. ГУСЕЙНОВ А.А.	147
акад. ТОСУНЯН Г.А.	153

Список литературы, опубликованной по итогам заседаний НКС ООН РАН, «Открытых дискуссий» президента АРБ и НИИ ДДиП	156
--	------------

**СОСТАВ НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА
ПО ПРАВОВЫМ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ И СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВА
(НКС ППСЭПО) ООН РАН**

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

ГУСЕЙНОВ
АБДУСАЛАМ
АБДУЛКЕРИМОВИЧ

академик, д. филос. н., научный руководитель Института философии РАН

КОКОШИН
АНДРЕЙ
АФАНАСЬЕВИЧ

академик, д. и. н., директор Центра перспективных исследований национальной безопасности России Экспертного института НИУ ВШЭ

ТОСУНЯН
ГАРЕГИН
АШОТОВИЧ

академик, д. ю. н., президент Ассоциации российских банков

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

РЕДЬКО
НИКОЛАЙ
ВИТАЛЬЕВИЧ

к. э. н., эксперт Национального исследовательского института Доверия, Достоинства и Права

ЧЛЕНЫ НАУЧНОГО СОВЕТА:

АВETИСЯН
АРУТЮН
ИШХАНОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., директор Института системного программирования им. В.П. Иванникова РАН

АГАНБЕГЯН
АБЕЛ
ГЕЗЕВИЧ

академик, д. э. н., профессор

АПОЛИХИН
ОЛЕГ
ИВАНОВИЧ

чл.-корр., д. м. н., директор НИИ урологии и интервенционной радиологии им. Н.А. Лопаткина (филиал ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава России)

АУЗАН
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. э. н., декан экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

БАТУРИН
ЮРИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

чл.-корр., д. ю. н., главный научный сотрудник отдела методологических и междисциплинарных проблем развития науки Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

БУЗНИК
ВЯЧЕСЛАВ
МИХАЙЛОВИЧ

академик, д. х. н., заместитель академика-секретаря ОХНМ РАН, начальник лаборатории Всероссийского НИИ авиационных материалов

ГРАЧЕВА
ЕЛЕНА
ЮРЬЕВНА

д. ю. н., профессор, первый проректор ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина» (МГЮА)

ГРИНБЕРГ
РУСЛАН
СЕМЕНОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., научный руководитель Института экономики РАН

ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН
АНТОН
ВИКТОРОВИЧ

к. э. н., заместитель председателя Общероссийской общественной организации «Деловая Россия»

ЕРМАКОВА
ЖАННА
АНАТОЛЬЕВНА

чл.-корр., д. э. н., профессор, заведующий кафедрой банковского дела и страхования ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

ЖУРАВЛЕВ
АНАТОЛИЙ
ЛАКТИОНОВИЧ

академик, д. п. н., научный руководитель Института психологии РАН

ИВАНОВ
ВИЛЕН
НИКОЛАЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., главный научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

ИЛЬИН
ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., профессор, научный руководитель Вологодского научного центра РАН

КАСАВИН
ИЛЬЯ
ТЕОДОРОВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии РАН

КЛЕПАЧ
АНДРЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ

к. э. н., главный экономист ВЭБ.РФ

ЛЕКТОРСКИЙ
ВЛАДИСЛАВ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. филос. н., главный научный сотрудник Института философии РАН

МЕДВЕДЕВ
ПАВЕЛ
АЛЕКСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

МИРКИН
ЯКОВ
МОИСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

НЕСТИК
ТИМОФЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. п. н., профессор РАН, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН

НИГМАТУЛИН
РОБЕРТ
ИСКАНДРОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., научный руководитель Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН

ПЕТРЕНКО
ВИКТОР
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заведующий лабораторией психологии общения факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова

ПОГОСЯН
ГЕВОРК
АРАМОВИЧ

академик Национальной академии наук Армении (НАН РА), иностранный член РАН, д. социол. н., научный руководитель Института философии, социологии и права НАН РА

САВЕНКОВ
АЛЕКСАНДР
НИКОЛАЕВИЧ

академик, д. ю. н., директор Института государства и права РАН

САННИКОВА
ЛАРИСА
ВЛАДИМИРОВНА

д. ю. н., профессор РАН, руководитель Центра правовых исследований цифровых технологий Государственного академического университета гуманитарных наук

САРКИСЯН
ТИГРАН
СУРЕНОВИЧ

к. э. н., заместитель председателя правления Евразийского банка развития

СМИРНОВ
АНДРЕЙ
ВАДИМОВИЧ

академик, д. филос. н., главный научный сотрудник Института философии РАН

СОЛОДКОВ
ВАСИЛИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

к. э. н., директор Банковского института НИУ ВШЭ

ТЕДЕЕВ
АСТАМУР
АНАТОЛЬЕВИЧ

д. ю. н., профессор кафедры государственного аудита Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова

ТОРШИН
АЛЕКСАНДР
ПОРФИРЬЕВИЧ

к. ю. н., действительный государственный советник РФ I класса

ТОЩЕНКО
ЖАН
ТЕРЕНТЬЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

УГРЬМОВ
МИХАИЛ
ВЕНИАМИНОВИЧ

академик, д. б. н., заведующий лабораторией нервных и нейроэндокринных регуляций Института биологического развития им. Н.К. Кольцова РАН

УШАКОВ
ДМИТРИЙ
ВИКТОРОВИЧ

академик, д. п. н., директор Института психологии РАН

ХАБРИЕВА
ТАЛИЯ
ЯРУЛЛОВНА

академик, д. ю. н., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России

ЧЕРЕШНЕВ
ВАЛЕРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. м. н., научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН

ЧЕРНЫШ
МИХАИЛ
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. социол. н., научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

ЧЕХОНИН
ВЛАДИМИР
ПАВЛОВИЧ

академик, д. м. н., вице-президент РАН, заведующий кафедрой медицинских нанотехнологий медико-биологического факультета Российского государственного медицинского университета им. Н.И. Пирогова

ШАБУНОВА
АЛЕКСАНДРА
АНАТОЛЬЕВНА

д. э. н., директор Вологодского научного центра РАН

ЭКМАЛЯН
АШОТ
МАМИКОНОВИЧ

д. филос. н., профессор

ЮРЕВИЧ
АНДРЕЙ
ВЛАДИСЛАВОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заместитель директора по научной работе Института психологии РАН

СПРАВКА

- о НКС ООН РАН (Научно-консультативном совете по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук),
- о НИИ ДДиП (Национальном исследовательском институте Доверия, Достоинства и Права),
- о «Рабочем завтраке у Тосуняна»,
- о проекте «Открытые дискуссии президента АРБ»
и об этом издании

1. НКС ООН РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы.

Заседания Совета проводились в Отделении общественных наук РАН два раза в год.

В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: «В каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?»

И в сентябре 2021 года постановлением Президиума РАН Совет был преобразован в Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН.

Сопредседателями Совета стали академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

2. С середины 90-х годов по субботам раз в две-три недели в Ассоциации российских банков проходят «Рабочие завтраки у Тосуняна», в которых принимают участие банкиры, представители ЦБ, Госдумы, Совета Федерации, различных ведомств, академической науки, вузов, эксперты по финансово-банковскому профилю.

Каждый «Рабочий завтрак у Тосуняна» (далее – «Рабочий завтрак») проходит по заранее согласованной повестке дня и с заявленными докладчиками.

На них до недавнего времени обсуждались преимущественно проблемы экономики, финансовой сферы, нормативно-правовые акты, регулирующие эту сферу. Но в ряде случаев и другие вопросы развития общества.

В последние годы спектр вопросов, рассматриваемых на «Рабочих завтраках», и круг экспертов заметно расширились.

Этому во многом способствовало участие в них известных ученых.

Характерной особенностью «Рабочих завтраков» было и остается то, что они проходят с завидной регулярностью по субботам в 9.00 утра и зимой, и летом, и даже 31 декабря. Их продолжительность примерно 3–4 часа.

3. В конце 2019 года был учрежден Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права (НИИ ДДиП).

Это частный институт, целью которого, если вкратце, является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение ответственности и чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия и достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.

Иначе говоря, институт пригласил на общественных началах работать на его площадке всех, кто желает внести свою лепту в изменение траектории движения общества «войны всех против всех» в сторону общества «доверия, достоинства и уважения друг к другу»!

4. В конце марта 2020 года был объявлен локдаун.

Встал вопрос: заморозить на какое-то время работу НКС ООН, НИИ ДДиП, АРБ и «Рабочие завтраки у Тосуняна»?

Или искать какое-то другое решение?

Тогда же возникла идея, что заседания НКС ООН, НИИ ДДиП и «Рабочие завтраки» можно объединить, используя онлайн-формат.

Проанализировав практику последних лет, мы с коллегами пришли к выводу, что довольно часто и на заседаниях НКС, и на «Рабочих

завтраках», и на заседаниях Института мы поднимаем и обсуждаем схожие вопросы.

Было принято решение начать проводить совместные заседания.

За прошедшее с апреля 2020 года время был проведен 151 «Рабочий завтрак у Тосуняна», большинство из которых прошло в очно-заочной форме.

Примерно 20 человек лично присутствовали на завтраках, а остальные, от 50 до 100 и более человек, принимали участие в режиме Zoom, видя, слыша «живых» участников и докладчиков, также присоединялись к дискуссии.

В последующем по видеозаписи каждое заседание стенографировалось с тем, чтобы можно было издать материалы этих дискуссий.

В настоящее время накопился огромный объем материалов для публикаций, и мы начали их издание в виде представленных вашему вниманию сборников.

5. С 2013 года Ассоциация российских банков ведет проект «Открытые дискуссии президента АРБ».

Проект направлен на обсуждение широкого круга экономических, правовых, философских, социально-психологических и других актуальных проблем развития нашего общества и на развитие культуры дискуссии в целом. Спикерами «Открытых дискуссий президента АРБ» (далее – «Открытые дискуссии») выступают известные ученые, общественные деятели и представители бизнеса.

Вузами-партнерами проекта являются более 90 российских вузов, расположенных на территории всей России – от Владивостока до Калининграда.

Как правило, в каждой «Открытой дискуссии» дистанционно участвуют от 40 до 90 вузов. Численность интернет-аудитории в среднем составляет около 2 тыс. человек.

Последние два года «Открытые дискуссии» проводятся ежемесячно.

За 10 лет состоялось 95 дискуссий.

С информацией о прошедших дискуссиях, презентационными материалами спикеров и видеозаписями можно ознакомиться на сайте arb.ru в разделе «Открытые дискуссии».

Г.А. ТОСУНЯН, академик РАН,
президент Ассоциации российских банков

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Коллеги!

Приветствую всех участников совместного заседания Научно-консультативного совета Отделения общественных наук РАН по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества и Института Доверия, Достоинства и Права, которое традиционно проходит на площадке Ассоциации российских банков.

Приветствую сопредседателя нашего Совета академика Гусейнова Абдусалама Абдулкеримовича.

На заседание зарегистрировались:

- 33 представителя науки и вузов, в том числе 10 членов Академии;
- банкиры, государственные и общественные деятели, эксперты.

Всего более 120 человек.

Тема заседания – «Религия и общество».

По традиции скажу несколько вступительных слов.

Религия является одним из древнейших общественных институтов и по сей день играет огромную роль в жизни общества.

До формирования рационального знания религия была для человека одним из основных способов постижения реальности, наряду с самой жизненной практикой.

Ответы на все непонятные вопросы искались человеком именно в религии. При этом наука на самом раннем

этапе ее существования была сосредоточена в первую очередь на индивидуальном уровне, как раз в монастырях.

В монастырях появились первые библиотеки, там же алхимики проводили свои первые опыты с материями, искали «философский камень».

Сегодня и философия, и наука, и религия – каждая по-своему – отвечают на вопросы, которые интересуют людей. В том числе и на вопросы, что очень важно, этического, морального свойства.

Эти ответы нередко противоречат друг другу, и искать их подчас гораздо труднее, чем в естественных науках.

Однако влияние религии не ограничивается только личным и социальным аспектами. Сегодня она глубоко вплетена и в политику, и в искусство, и в литературу, и в другие сферы жизни общества. Политику хочу подчеркнуть особо.

Для многих именно религия определяет:

- социальные отношения,
- моральные нормы,
- личные убеждения.

Кому-то она помогает справиться с жизненными трудностями, пережить утраты и найти смысл жизни в трудных ситуациях.

Однако роль религии не всегда трактуется исключительно положительно. И это тоже надо признавать, чтобы не идеализировать ее влияние, ее восприятие обществом.

Мировая история знает немало примеров, когда религиозные различия становились причиной конфликтов и войн. Хотя смею предположить, что причины таких

конфликтов не могут быть сведены исключительно к религиозным различиям. Где-то всегда подспудно есть и другие причины, просто религиозная подоплека зачастую выступает поводом, оболочкой, неким катализатором конфликтов.

Часто религия используется как инструмент продвижения политических интересов, и при этом такая показная, демонстрируемая вера является не чем иным, как методом, инструментом влияния и управления.

В этом смысле чем у меня вызывает симпатию, например, протестантская вера?

Она, на мой субъективный взгляд, наименее связана с какими-то напускными, «декоративными» эффектами и наименее подвержена бюрократии. **Бюрократии, которая от имени религии пытается, с одной стороны, собирать большую «дань» с верующих, а с другой – навязывает определенные «нужные» для кого-то, «правильные» каноны с целью воздействия на управляемые массы.**

Протестантизм проповедует прямую связь между человеком и Богом, минимизируя необходимость бюрократических конструкций, которые, кстати, характерны для многих религиозных течений.

Протестанты считают, что между человеком и Богом не нужны посредники. Спасает только личная вера в Бога.

Я посещал протестантские церкви, и мне было симпатично, что там только стулья и голые стены.

Никакой навязчивости, никаких особых обрядов (без платочка не входи, в джинсах не входи). Такая атмосфера очень привлекательна хотя, наверное, это очень субъективно...

Саватюгин А.Л.: Как здесь.

Тосунян Г.А.: Да, почти как здесь.

Отдельный дискуссионный вопрос, который, я надеюсь, мы тоже сегодня обсудим, связан с взаимодействием науки и религии. Потому что у нас научно-консультативный совет, и мы рассматриваем все вопросы под этим углом зрения.

На протяжении истории наука и религия всегда шли бок о бок, если иметь в виду их ориентацию на ключевые вопросы человеческого бытия.

Однако научное сообщество и религиозные институты нередко вступали в противоречие из-за различий и в объяснении происхождения жизни человека, и в отношении к достижениям прогресса, и во многих других вопросах. Здесь, наверное, даже больше разночтений, чем совпадений.

В качестве примера – научный атеизм, отрицающий любое проявление божественного как такового и считающий, что наука – единственно верный вариант познания, и точка.

Такая категоричная позиция сразу вызывает некоторые сомнения, но она тем не менее существует и имеет своих сторонников. И мы не можем с этим не считаться.

Думаю, в условном споре науки и религии не может быть какого-то одного, абсолютного правого победителя.

Нужно, чтобы для верующего человека научная, логическая аргументация в отношении «поколебимости» его веры не была совсем лишена всякого смысла.

С другой стороны, есть и феномен верующих ученых.

Прочитирую одного из теоретиков квантовой механики Карла Гейзенберга: «Первый глоток из стакана

естествознания делает нас атеистами, но на дне стакана нас ожидает Бог».

Или цитата Александра Флеминга.

Микробиолог, открывший первый в мире антибиотик, пенициллин, никогда не считал это открытие своей заслугой.

Вот что он писал: «Вы говорите, что я что-то изобрел. На самом деле я только увидел то, что создано Господом Богом для человека. Честь и слава принадлежит не мне, а Богу...»

Вот человек, дозревший до того, что если тебе Бог дал возможность сделать открытия, достигнуть каких-то результатов, то это не твоя заслуга, это Бог дал тебе такую возможность. И ты должен относиться к этому очень трепетно и с благодарностью.

Известный немецкий физик, один из родоначальников квантовой физики Макс Планк получил Нобелевскую премию за открытие квантовой энергии.

При этом ему принадлежат следующие слова: «Куда бы мы ни обращали наши взоры, каким бы ни был предмет нашего наблюдения, мы нигде не находим противоречия между наукой и религией.

Мы, скорее, констатируем их абсолютную гармонию в основных пунктах, особенно в области естествознания.

Как религия, так и наука, в конечном результате, ищут истину и приходят к исповеданию Бога».

Это другая точка зрения, которая говорит не о конфликте, не о противоречии, а о некоем совмещении.

Верующих ученых много, вопреки расхожему мнению, что ученый априори должен являться атеистом.

Поделюсь фактом из личного опыта. Папа римский Иоанн Павел II в 90-е годы очень увлекся естественнонаучными исследованиями.

Его интересовали проблемы Вселенной.

Один из наших советских ученых, муж моей старшей сестры, лауреат Ленинской премии, физик из Дубны Мурадян, ученик выдающегося физика академика Н.Н. Боголюбова, где-то в 70-80-е годы рассчитал скорость вращения Вселенной.

Это была очень большая, известная работа.

Иоанн Павел II заинтересовался этими исследованиями. И по его рекомендации в 1992 году советского ученого избрали в состав Папской Академии наук, где большинство из 84 членов были нобелевскими лауреатами.

Папа римский пригласил Мурадяна на неделю погостить в Ватикане. И их неоднократное общение проходило на тему материального происхождения и развития Вселенной.

Папа в глазах Мурадяна проявил себя как материалист-аналитик.

А мой родственник, наоборот, будучи до этого абсолютным атеистом, вернулся из этой поездки верующим человеком. То есть произошел такой удивительный реверс.

Многие ученые считают, что вера и наука не противоречат друг другу, а являются частью общего пути к познанию мира. Это, наверное, более мудрый подход.

Область научных исследований, посвященная изучению религий и религиозных течений, называется религиоведением.

Религиоведение использует научную методологию и социально-гуманитарных наук, и естественных наук. И в этом отношении оно занимает особое место в системе научного знания.

Сегодня мы поговорим и о религии, и о религиоведении, и об их роли и значении в обществе, и об их влиянии на общество, потому что наш совет занимается проблемами того, как наука на междисциплинарном уровне может влиять на развитие нашего общества.

Поэтому я сейчас с удовольствием предоставлю слово нашим коллегам.

Итак, переходим к повестке дня.

1. Религия глазами религиоведа

Докладчик – Давыдов Иван Павлович, доктор философских наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

2. Религия, религиоведение: проблема границ

Докладчик – Шабуров Николай Витальевич, кандидат культурологии, профессор, директор Центра изучения религий Российского государственного гуманитарного университета.

3. Вопрос о рациональности / иррациональности религии в современном обществе

Докладчик – Карпов Кирилл Витальевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН, доцент кафедры истории зарубежной философии философского факультета Российского государственного гуманитарного университета.

Слово для доклада Ивану Павловичу Давыдову.

ДОКЛАД 1

ДАВЫДОВ И.П.

д. филос. н., профессор кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

РЕЛИГИЯ ГЛАЗАМИ РЕЛИГИОВЕДА

Доброе утро, глубокоуважаемые коллеги!

Рад всех приветствовать и благодарю Гарегина Ашотовича за честь выступить на этом высоком собрании.

Позвольте представить вам некоторые соображения на тему «Религия глазами религиоведа».

Хотелось бы сосредоточиться на четырех вопросах:

1. Что такое религия?
2. Кто такие религиоведы?
3. Структурно-функциональный метод социологии религии и социальной антропологии. Классификации религии в социологии Яна Фэнгана.
4. Религия и нерелигия. Религия и наука.

1. Перехожу к первому вопросу: *что такое религия?*

Множество подходов к определению религии может быть сведено к двум основным:

- во-первых, позитивистскому, когда определение конструируется исходя из родо-видовых признаков предмета исследования;
- во-вторых, функционалистскому, когда эксплицируются социальные функции предмета исследования.

Начнем с позитивистского.

Самое известное определение религии было дано французским социологом религии Эмилем Дюркгеймом в 1912 году: «Религия есть солидарная система верований и

практик, относящихся к вещам священным, обособленным, запретным, верований и практик, которые объединяют в одну моральную общность, называемую церковью, всех, кто их принимает»¹.

Недавно был «юбилей» этого определения.

Но не надо думать, что это единственное определение религии, данное в позитивистском ключе. Их было очень много.

На сегодня известно более 1000 определений религии.

Возникает риторический вопрос: какое из них наиболее адекватное?

Получается, сколько людей, столько и мнений.

В качестве альтернативы я готов предложить вашему вниманию еще одно определение, которое дано нашим соотечественником, священником Павлом Александровичем Флоренским.

Он сформулировал это определение примерно в то же время, когда и Эмиль Дюркгейм (19 мая 1914 года Флоренский защитил свою диссертацию).

Это определение – иллюстрация альтернативы (что не надо заикливаться на одном):

«Религия есть, или по крайней мере притязает быть художницей спасения, и дело ее – спасать.

От чего же спасает нас религия?

Она спасает нас от нас, спасает наш внутренний мир от таящегося в нем хаоса.

Она одолевает геенну, которая в нас и языки которой, прорываясь сквозь трещины души, лижут сознание.

¹ Durkheim É. Les Formes élémentaires de la vie religieuse. Le Système totémique en Australie. 1re ed. Paris, 1912. Цит. в рус. пер. по: Арон Раймон. Этапы развития социологической мысли / пер. с фр. под общ. ред. П.С. Гуревича. М.: Прогресс-Универс, 1993. С. 345.

Она поражает гадов “великого и просторного” моря подсознательной жизни, “им же несть числа”, и ранит гнездящегося там змея.

Она улаживает душу.

А водворяя мир в душе, она умиротворяет и целое общество, и всю природу...»²

2. И тогда возникает следующий вопрос: *кто такие религиоведы?*

Религиоведы – это специалисты, которые предметом своего профессионального интереса выбрали именно религию, причем иногда сделали это интуитивно, вообще не понимая, что это такое.

Среди религиоведов есть не только философы. Есть специалисты и в области прикладных дисциплин: допустим, синологи, японисты, арабисты, тюркологи, гебраисты и другие.

Они занимаются не религией вообще. В сфере их интересов – религии стран, регионов изучаемых ими языков. Например, отдельно – религии Японии (синто или дзен-буддизм), отдельно – религии Китая (даосизм, конфуцианство, чань-буддизм) и многие другие.

Разумеется, авраамические религии тоже изучаются, если мы говорим об ареале Ближнего Востока.

3. Теперь перехожу к *структурному функционализму*.

Он стал популярен именно в социальной антропологии, то есть в XX веке.

Чем он отличается от функционализма?

² Флоренский П.А. Вступительное слово пред защитой на степень магистра книги «О духовной истине», Москва, 1912 г., сказанное 19 мая 1914 года // Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Т. 1. Ч. 2. М.: Правда, 1990. С. 818.

Функционализм просто выясняет спектр функций.

Структурный функционализм структурирует их в некую иерархию (метафункций, функций первого порядка, второго и так далее).

Поэтому возникает закономерный вопрос: есть ли какая-то метафункция религии, генерализирующая все остальные функции?

Здесь я опираюсь на достижения нашего соотечественника Петра Георгиевича Богатырёва³.

П.Г. Богатырёв интересен как методолог структурного функционализма, так как именно ему принадлежит методологическое требование последовательного выявления:

- всех функций изучаемого культурного феномена;
- структуры этих функций и ее трансформации;
- синтетической (мета)функции структуры функций.

Этот структурно-функциональный анализ не завершён и поныне.

Со времен Эмиля Дюркгейма зарегистрировано и описано более 20 функций религии.

На самом деле их уже около 30.

Результаты структурно-функционального анализа оказываются востребованы в экспертной деятельности, при проведении комплексных судебных экспертиз.

Зачастую суд обращается к эксперту-религиоведу с вопросом, насколько рассматриваемое в суде явление может быть признано религиозным.

И тогда нам помогает структурный функционализм.

Он позволяет эксплицировать, регулярно корректировать и дополнять открытый перечень признаков

³ Богатырёв П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. С. 167–366; Богатырёв П.Г. Народная культура славян / сост. Е.С. Новик и др. М.: ОГИ., 2007. С. 21–130, 215–278.

(функций) того или иного явления социальной жизни общества (в нашем случае – религии).

Известны и активно используются религиоведами, например, такие социальные функции религии, как:

- самоидентификации;
- ритуализации жизни;
- преодоления случайностей;
- социальной интеграции;
- космизации;
- хаосмизации;
- профетическая;
- мировоззренческая;
- компенсаторная;
- коммуникативная;
- регулятивная;
- дезинтеграции;
- культуротранслирующая;
- легитимирующая;
- сотериологическая;
- психотерапевтическая;
- ценностно-интегрирующая;
- дифференцирующая;
- ауторефлексии;
- чувства взаимозависимости;
- абсорбции;
- посредничества со священным;
- утешения;
- социального контроля;
- побуждения к духовному развитию;
- кульпабилизации.

Это не единственный имеющийся перечень, но, пожалуй, самый полный.

Некоторые из этих функций были эксплицированы в религиоведении только во второй половине XX – первой половине XXI века.

Познакомлю вас с классификацией религии в социологии Яна Фэнгана, современного американского социолога религии китайского происхождения.

В основном он проводит свои исследования на китайском материале, однако публикует свои работы в Америке, на английском языке.

Его американская книга оксфордского издания 2012 года была переведена в 2022 году на русский язык и получила название «Религия в Китае. Выживание и возрождение при коммунистическом режиме».

Задачей классификации религий в социологии Яна Фэнгана было шкалирование промежуточных состояний между двумя полюсами («религия» и «нерелигия») и конструирование матрицы социальных функций, присущих каждой градации.

Помимо этой книги я опираюсь и на работы своих коллег по социологии религии из вузов Москвы, Санкт-Петербурга и многих других институций⁴.

Кстати, Е.А. Островская-младшая начинала как специалист-индолог широкого профиля по современной Индии.

В ходе своих исследований она с удивлением обнаружила, что исследовать Индию без изучения индийских религий невозможно.

⁴ Основная литература: Островская (-мл.) Е.А. Социология религии: введение. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2018. 320 с.; Фэнган Я. Религия в Китае. Выживание и возрождение при коммунистическом режиме. / пер. с англ. Д. Гальцина. М.: Библиороссика, 2022. [Fanggang Yang. Religion in China. Survival and Revival under Communist Rule. Oxford: O.U.P., 2012].

И она стала специалистом по современным религиям и современной социологической религиозной ситуации в Индии.

Что касается книги Яна Фэнгана «Религия в Китае. Выживание и возрождение при коммунистическом режиме», то хотелось бы отметить два момента.

Первый.

У Яна Фэнгана специфическая терминология: «полноценная религия», «полурелигия», «квазирелигия», «псевдорелигия».

Мне как религиоведу не очень нравится понятие «полурелигия», но именно так написано в русском переводе.

А термины «квазирелигия» и «псевдорелигия» используются и в российском сегменте религиоведения.

Второй.

Что важно подчеркнуть?

Если в теории мы эксплицируем большое число функций религии и если они на практике регистрируются наблюдателями социального феномена, становится понятно, что чем большее число функций религии регистрируется наблюдателями у данного социального феномена, тем с большей долей вероятности можно утверждать, что обнаружена именно религия.

Моя гипотеза заключается в следующем: максимальное количество функций религии – около 30.

Квалифицированное большинство этих функций – 20–24 (то есть не менее $\frac{3}{4}$).

По убывающей между религией (максимумом) и нерелигией (минимумом) располагаются еще три промежуточных состояния:

РЕЛИГИЯ – ПСЕВДОРЕЛИГИЯ – КВАЗИРЕЛИГИЯ – ПАРАРЕЛИГИЯ – НЕРЕЛИГИЯ.

По формальным критериям получается следующее.

Исходя из количественных и качественных показателей можно понять, сколько и каких функций в том или ином явлении мы наблюдаем.

В **нерелигии** будут отсутствовать конституирующие религию ритуализационная метафункция и функции первого порядка, а некоторые второстепенные функции могут встречаться в малом количестве (меньше шести) и в случайной комбинации.

К примеру, в философии, психологии, психоанализе легко обнаруживаются мировоззренческая, коммуникативная, культуротранслирующая, ценностно-интерпретирующая, дифференцирующая функции и функция ауторефлексии (самоосмысления).

Но далеко не каждая философия или психология религиозна (в том числе индийская или китайская). Ведь до сих пор дискутируется вопрос, насколько восточные философии, наподобие индийской или китайской, можно относить к религиозным, или это самостоятельный феномен.

Парарелигия претендует на внешнее сходство с религией, но в ней, скорее всего, будут наблюдаться только отдельные функции первого порядка.

Это, как правило, посредничество со священным.

Многие профессиональные тезаурусы содержат слова «священное», «святое», «сакральное».

В зависимости от того, что мыслится под этим «священным», нужно будет выяснять, относится это к сфере религии или все-таки к сфере парарелигии.

Термин «парарелигия» конструируется нами по аналогии с «паранаукой».

Он обозначает околорелигиозные феномены, несоместимые с религией.

Например, внерелигиозная магия, даже если она оперирует похожей терминологией, будет относиться не к религии, а к парарелигии.

Квазирелигия – это промежуточная стадия между религией и нерелигией.

Это как раз то, что, переиначивая терминологию Яна Фэнгана, можно было бы назвать «половинчатой религией», но никак не «полурелигией».

В ней может быть заметна ритуализационная метафункция (возможно, в ослабленном виде).

Из социальных функций будут преобладать функции второго порядка, латентные (например, такой набор из функций: преодоления случайностей + утешения в трудных жизненных ситуациях + побуждения индивида к духовному развитию), а также контрфункции (особенно хаосмизации и кульпабализации).

Обратимся к социологии.

Есть социальные функции, а есть их антитезы – контрфункции.

Например, есть функция космизации (как структурирующая) и хаосмизации (как деструктурирующая).

Кульпабализация – это функция «овиновливания» (первым о ней заговорил Мишель Фуко, но совершенно в ином контексте).

В нашем случае, допустим, некий религиозный авторитет заявляет, что человек сам виноват в своем бедственном положении.

И после того, как прихожанину поставлен сравнительно негативный диагноз, можно попытаться предложить верующему какие-то рецепты для его духовного излечения.

Квазирелигиозность характеризуется различными обрядоверческими и суеверческими явлениями.

Их сейчас очень много.

Много рекламы всяческой «астральной психогигиены», «косметической чистки чакр» и так далее.

Это как раз квазирелигия.

От магии квазирелигия отличается активным (а иногда агрессивным и неумелым) оперированием нарочито религиозным тезаурусом и использованием конфессио-нально маркированной атрибутики.

Псевдорелигия трудно поддается определению.

Для адептов какой-либо конфессии псевдорелигия – это какая-то ошибочная, чужая им религия с размытой идентичностью.

Псевдорелигия стремится мимикрировать под «полную» (в терминологии Яна Фэнгана) религию.

«Полную» для нас – значит, содержащую наибольшее количество социальных функций (20–24, а то и больше).

Псевдорелигия стремится занять социально-политическую нишу, которую до этого занимала, допустим, «полная» религия.

На первом месте у псевдорелигии могут оказаться латентные функции:

– взаимозависимости,

- социального контроля,
- утешения в трудных жизненных ситуациях и так далее.

Латентные функции могут играть конституирующую роль, например, в искусственно сконструированных религиях. Есть даже такие.

В заключение отмечу.

Религия и наука опираются на достаточно известные сциентистские идеалы, в том числе на идеалы Макса Вебера как социолога религии.

Сциентистские идеалы Макса Вебера включали адресованное социологии требование быть экспериментальной и «беспредпосылочной».

Как мы помним, Вебер очерчивает компетенции науки «изолиниями»:

- математики (расчетливость);
- гносеологии (строгость мышления);
- семантики (ясность смысла высказывания);
- профессиональной этики (исследовательская честность).

Беспредпосылочность предусматривает элиминирование теологических пресуппозиций: «...отличие науки от веры заключается в следующем: “беспредпосылочная” в смысле свободы от всяких религиозных стеснений наука в действительности не признает “чуда” и “откровения”, в противном случае она не была бы верна своим собственным “предпосылкам”»⁵.

Следом за ним, к слову, то же самое будет говорить Роберт Мертон, американский социолог науки,

⁵ Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. под общ. ред. и с послесл. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 724.

различавший функции, контрфункции и латентные («спящие») функции.

Вебер высказал эти пожелания в 1918 году, незадолго до кончины, в своем знаменитом выступлении «Наука как призвание и профессия».

А теперь я приведу критерии современной науки, хотя наверняка список можно дополнять. Это:

- объективность в противовес субъективизму;
- институциональность в противовес индивидуализму;
- рациональность в противовес иррациональности;
- эссенциальность в противовес кажимости;
- системность в противовес неструктурированности;
- верифицируемость в противовес непроверяемости;
- фальсифицируемость в противовес неопровержимости.

По этому набору признаков (следом за Карлом Поппером, Бертраном Расселом и многими другими позитивистами, неопозитивистами, постпозитивистами) мы как раз и различаем науку и ненауку.

Благодарю за внимание.

Буду рад вопросам.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Иван Павлович.

Вижу поднятые руки желающих задать вопросы.

Олег Анатольевич Ефремов из МГУ, пожалуйста.

к. филос. н. ЕФРЕМОВ О.А. – д. филос. н. ДАВЫДОВ И.П.

ЕФРЕМОВ О.А.

к. филос. н., доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий эксперт Института фундаментальных проблем социогуманитарных наук Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»

Ефремов О.А.: Спасибо, Гарегин Ашотович.

Иван, спасибо большое за интересный доклад.

У тебя не прозвучало слово «теология», а сегодня она у нас объявлена наукой, специальностью в высших учебных заведениях.

Прокомментируй, пожалуйста, парадоксальную ситуацию возведения теологии в ранг науки.

Давыдов И.П.: Олег Анатольевич, рад приветствовать!

Первый вопрос: наука ли теология?

Дело в том, что я лично объясняю это наследием развития университетского знания не только за рубежом, но и в России.

Если вспомнить знаменитую работу Иммануила Канта «Спор факультетов», то мы выясним, что для Канта, очевидно, существуют три «старших» факультета.

Это факультеты теологии, юриспруденции и медицины.

И есть «младший» факультет, которому Кант отдал всю свою жизнь. Это факультет семи свободных искусств (на нем изучали тривиум и квадравиум), или философский факультет, как его потом стали называть.

«Старшие» факультеты имели госзаказ.

Соответственно, теологический факультет – в Германии ли, в Англии ли, в Америке ли – отвечает за то, что Кант называет загробным благополучием.

Да, теологи спорят между собой.

Но если мы вспомним ситуацию в Германии, то все становится на свои места: север Германии – протестантский, юг Германии – католический.

Они спорят на тему, кто лучше знает Бога – лютеране или католики.

Второй факультет, юридический, задается целью обеспечить посюстороннее благополучие человека.

Почему?

Просто для Канта экономика относится к сфере философии, а не юриспруденции, потому что так сказал Аристотель.

Экономика – это навык ведения домашнего хозяйства, а внешняя сторона хозяйствования – это политика.

Третий факультет, медицинский, должен обеспечивать здоровье человеческого тела.

Кант даже создал собственную физкультуру, он был сторонником здорового образа жизни.

Он называл свою собственную, если угодно, йогу – диететикой.

И придерживался ее последовательно в течение всей своей жизни.

Например, много ходил пешком по небольшому Кёнигсбергу.

Благодаря этой самой диететике он дожил до 80 лет.

Философский факультет, по Канту, должен делиться на два отделения.

Первое – исторического знания и астрономии.

Оно включает абсолютно все дисциплины естественного цикла.

Это и физика, и химия.

Это все, что вырастает из тривиума и квадравиума, что мы знаем как тривиальное знание (грамматику, арифметику, риторику).

А второе отделение – метафизическое.

Метафизика включает в себя, в частности, дожившую до наших дней логику, тоже как абстрактную дисциплину.

По Канту, так различаются дисциплины университетского преподавания.

И поэтому Кант говорит: «Философы должны дружить с медиками, потому что и те и другие не основывают свое знание на каких-то презумпциях».

Теолог должен опираться на Библию, если он христианский теолог, – не важно, лютеранин или католик.

И теолог права на ошибку, по Канту, не имеет.

Юрист должен опираться на источники права.

Не важно, какой он юрист – мусульманский, христианский или светский.

Как ни парадоксально, Кант говорит, что право на ошибку имеют философы.

То есть философский факультет – своеобразная «песочница», в которой как раз и работают люди, следующие призыву позитивистов: «Чаще ошибайтесь».

По Канту, их ошибки не влекут за собой каких-то катастрофических последствий.

И философ, занимающийся, например, философией религии, имеет право на ошибку.

Более того, философ, занимающийся религией, может быть историком и сторонником эмпирической науки.

А теолог не будет сторонником эмпирической науки, у него совершенно другая задача.

Именно поэтому возведение ВАК теологии в ранг науки – следствие принятия доктрины развития университетского академического образования.

Существует три паспорта специальности:

- историческая теология;
- прикладная теология;
- теоретическая теология.

В этом нет ничего страшного, просто нужно развести компетенции: чем занимается философ (имея право на ошибку) и чем занимается теолог (права на ошибку не имеющий).

Это что касается ответа на вопрос, как теология стала ваковской дисциплиной.

Во всем виноват Кант (в порядке шутки).

Ефремов О.А.: Насколько здесь оправданна ссылка на зарубежный опыт?

Является ли он для нас действительно показательным и указательным?

И третье: как ты видишь соотношение теологии и религиоведения?

Спасибо.

Давыдов И.П.: Собственно, все вопросы крутятся вокруг того же блока информации, который я уже озвучил.

Наша теология одобрена ВАКом только по паспорту специальности как православная, но не как, например, католическая.

В сравнительном ключе православные имеют право изучать почему-то только протестантскую религию, но прямо не сказано, что католическую. (Я здесь объединяю несколько паспортов сразу.)

Получается, что за рубежом теология конфессио-нально ориентирована. Она исходит из преобладающих конфессий, религий.

Где-то будет католическая теология, где-то будет лютеранская теология, англиканская теология или какая угодно другая – например, меннонитская теология.

А в России пока что преобладает именно православная теология.

Вот в этом различие – не в методологии.

Православные теологи прекрасно знают, чем занимаются их коллеги за рубежом.

Более того, они сами опираются на различные зарубежные руководства по философской теологии, по философскому теизму.

Оксфордские, кембриджские издания есть, и их очень много.

Их – тысячи.

В России такого большого количества нет.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, академик Иванова Наталья Ивановна.

акад. ИВАНОВА Н.И. – д. филос. н. ДАВЫДОВ И.П.

ИВАНОВА Н.И.

акад. РАН, д. э. н., руководитель научного направления
ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова

Иванова Н.И.: Спасибо, Гарегин Ашотович.

У меня вопрос к уважаемому докладчику.

Хотела бы обратиться к представленным в Вашем докладе критериям определения религии, а также различиям полноценной религии и квазирелигии, псевдорелигии.

Мне это показалось очень интересным, никогда такого не встречала.

Вы приводите 30 критериев.

Насколько они различаются в авраамической религии – иудаизме, христианстве и мусульманстве?

Каждая ли из этих религий в полной мере отвечает этим 30 критериям?

Вы показали, насколько отличает этот набор критериев реальную религию от псевдорелигии.

А по нашим «столбовым» религиям есть ли какие-то качественные различия?

Спасибо.

Давыдов И.П.: Спасибо большое за вопрос.

Все авраамические религии, в терминологии Яна Фэнгана, «полные», то есть практически все без исключения функции мы там найдем.

Генерализирующая функция религии – это ритуализационная функция.

Как только мы видим ритуал, мы можем с достаточно оптимистичным сценарием говорить, что перед нами что-то религиозное.

Очевидно, что есть ритуалы и нерелигиозные, мы это оговариваем специально.

На самом деле полную религию, на мой взгляд, маркирует не наличие одной генерализирующей функции, а именно комбинация функций.

Если мы говорим об авраамических религиях, таких как иудаизм, христианство и ислам, то помимо ритуала там должен быть пророчетизм (функция пророчества).

Во всех этих религиях есть пророк. Это или Мухаммед в исламе, или Иоанн Креститель (Иоанн Предтеча как единственный пророк Нового завета в христианстве), или целая россыпь пророков, имена которых мы встречаем на страницах Ха-Сфарим (ТаНаХа, имеются в виду свитки книг Ветхого завета).

Среди огромного количества пророков в иудаизме есть градация на ранних и поздних.

Среди поздних пророков выделяются четверо великих: Исаия, Иеремия, Иезекииль и причисленный к ним позднее Даниил.

Малые пророки – Амос, Осия и им подобные.

Помимо ритуала и пророческой функции очень часто встречается функция преодоления случайностей, ибо авраамические религии говорят, что в мире ничто не случайно. Все детерминировано волей Всевышнего.

Если говорить о монотеистических религиях, то должна быть комбинация вышеупомянутых функций.

Если мы видим определенную устойчивую структуру, это почти безусловно – полная религия.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Николай Витальевич Шабуров, Вы хотели задать вопрос. Пожалуйста.

проф. **ШАБУРОВ Н.В.** – д. филос. н. **ДАВЫДОВ И.П.**

ШАБУРОВ Н.В.

к. культурологии, проф., директор Центра изучения религий
Российского государственного гуманитарного университета

Шабуров Н.В.: Спасибо за замечательный доклад.
У меня вопрос.

Мне кажется, Вы не привели пример псевдорелигии,
а только дали ей общую характеристику.

Хотелось бы услышать какие-то конкретные при-
меры.

Спасибо.

Давыдов И.П.: Хороший вопрос!

Псевдорелигия очень трудно поддается формальной
градации.

Что сюда может быть включено?

Это так называемые новые религиозные движения и
искусственно сконструированные религии.

Что такое искусственно сконструированные религии?

Об этом говорит современная исследовательница из
Австралии Кэрол Кьюсак.

Ей вторит целая плеяда пропонентов, в том числе
Маркус Дэвидсен из Норвегии.

Они спорят между собой о тонкостях.

Немного о них тоже расскажу.

С точки зрения Кэрол Кьюсак, есть авторские религии.

Они изначально умышленно сконструированы для
того, чтобы «сломать устоявшуюся общественную систему».

Например, самая известная из сконструированных
религий в России – это религия «Летающего Макаронного
Монстра».

Помимо такой религии есть и джедаизм.

Наверное, все вы знаете, что такое франшиза «Звездные войны». Там есть особые, наделенные необычайными силами люди и другие антропоморфные существа. Это и есть джедаи.

Любопытно, что в 1994 году в Америке проводился соцопрос: 8% американцев отнесли себя к религии джедаизма. То есть они посмотрелись «Звездных войн» и решили, что пора обзаводиться световыми мечами.

Искусственно сконструированных религий много. Кэрол Кьюсак насчитала их около 10.

Следом за ней насчитали еще 10 – очень много самых разных!

Маркус Дэвидсен, филолог по образованию, считает, что помимо таких искусственно сконструированных религий есть еще религии, «основанные на художественном вымысле».

Джедаизм он относит к таким религиям.

Если люди поверили какому-то нарративу как мифу, они будут фактически его сакрализировать.

Тосунян Г.А.: Спасибо. В этом контексте зачитаю вопрос доктора экономических наук, профессора, профессора кафедры банковского дела и монетарного регулирования Финансового университета при Правительстве РФ **Кропина Юрия Анатольевича.**

«Можно ли считать денежный фетишизм современной религией, а Центральный банк, основывающий свою деятельность на вере, рассматривать как оккультное учреждение?»

Вопрос, конечно, риторический.

Давыдов И.П.: Вопрос на самом деле достаточно актуальный.

О денежном фетишизме говорил еще Карл Маркс.

И когда Маркс с позиции атеизма критиковал религию, он критиковал и денежный фетишизм.

Вообще, использование слова «фетишизм» пришло в широкий оборот из этнографии и социальной антропологии.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Юлия Борисовна Епихина, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

ЕПИХИНА Ю.Б.

к. социол. н., ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

Епихина Ю.Б.: Спасибо большое за доклад.

Мой вопрос касается уточнения функций религии.

Из доклада следует, что понятие функции является ключевым для определения религии.

Существует ли определение самой функции и что именно она подразумевает?

Есть ли какие-либо показатели, позволяющие определить, является ли данное явление функцией?

Спасибо.

Давыдов И.П.: Благодарю Вас за вопросы.

Я понимаю функции в операциональном ключе.

Говоря языком Николаса Лумана, «как реакцию аутопоэтической системы на социальный раздражитель».

Это что-то сродни работе со спектро스코пом.

Мы наблюдаем там линии свечения определенных химических элементов.

Точно так же социолог фиксирует какие-то активности.

И главное при этом – сделать хорошо настроенную масштабную сетку, чтобы смежные параметры не накладывались друг на друга.

Полная религия должна обладать квалифицированным большинством этих функций.

То есть из 30 мы должны наблюдать 20–24 функции. Это позволит нам с уверенностью констатировать факт, что перед нами религия.

У псевдорелигии функций меньше, и совсем нет религиозных функций у нерелигии.

А есть ли функции первого, второго, третьего порядка?

Да, есть.

Если налицо какие-то из самых важных функций, например, ритуализационная метафункция, утешение в трудных жизненных ситуациях, то это основные функции, основные маркеры для социолога религии.

Как только мы их эксплицируем, мы уверены: здесь религия.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Следующий вопрос – от Михаила Стефановича Мокия из РАНХиГС. Пожалуйста, Михаил Стефанович.

МОКИЙ М.С.

д. э. н., профессор кафедры национальной экономики
РАНХиГС при Президенте РФ

Мокий М.С.: Спасибо за доклад, очень интересно.

У меня вопрос.

Вы сказали, что существует около тысячи определений религии.

Но Вы как-то быстро проговорили свое собственное определение.

И в связи с этим не очень понятно.

По каким признакам выделять псевдорелигии – не псевдорелигии, если существует тысяча определений?

Например.

Стул – это предмет мебели, предназначенный для сидения одного человека, со спинкой и без подлокотника.

И теперь я могу говорить, что это псевдостул, это квазистул. То есть как бы стул.

Ответ на вопрос прозвучал. Докладчик еще раз обратил внимание слушателей на уже упомянутые моменты и проиллюстрировал сказанное слайдами из презентации. Вера при этом была определена им как «некритичное принятие информации», что позволяет толковать ее значительно шире, нежели исключительно в религиозном контексте. – прим. авт.

И.П. Давыдов в вопросе дефиницирования религии солидаризуется с мнением Эмиля Дюркгейма, рассматривая структурно-функциональный анализ как продолжение линии, начатой в методологии социологической науки позитивистами. – прим. ред.

д. филос. н. **МОМДЖЯН К.Х.*** – д. филос. н. **ДАВЫДОВ И.П.**

Момджян К.Х.: К вопросу о признаках религии.

Иван Павлович, считаете ли Вы необходимым признаком религии веру в сверхъестественное, в чудесное?

Как отличить религию, скажем, от моральных доктрин?

К примеру, конфуцианство – это религия или нет?

Давыдов И.П.: Постараюсь ответить последовательно.

Сначала про тысячу определений.

У меня есть коллега во Владимирском госуниверситете – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и религиоведения Евгений Игоревич Аринин.

На протяжении всего своего творческого пути он коллекционирует и классифицирует определения религии.

Сначала он издал книжку «250 определений религии», потом – 500, потом – 750.

Теперь у него есть сайт «1000 определений религии».

Евгений Игоревич совершенно справедливо классифицирует их по разным критериям на:

- философские;
- феноменологические;
- психологические;
- социологические и так далее.

Я сторонник того, чтобы не лезть в душу человека.

* Момджян Карен Хачикович – доктор философских наук, профессор.

Во-первых, это больно (ибо психика интервьюируемого респондента может быть травмирована).

Во-вторых, это сложно и практически не верифицируемо.

А как социальный антрополог, как социолог религии, как фольклорист я могу только наблюдать внешние проявления религиозности.

И не я первый, не я последний.

Даже такой кабинетный ученый, как Эмиль Дюркгейм, никогда не бывавший в Австралии, сумел дать очень неплохое, рабочее до сих пор определение религии.

И я считаю его лучшим определением религии на сегодняшний момент.

Что такое существенные признаки религии, если мы говорим не о функциональном анализе (где 30 разных функций), а именно об определении религии, ее дефинировании в позитивистском ключе?

Еще раз повторю: религия – *солидарная* система, работающая на объединение, а не на разъединение.

Солидарная система, то есть структурированное множество.

Солидарная система *верований и практик*.

Любых? Нет.

Верований и практик, относящихся к вещам священным, обособленным, запретным, которые объединяют в одну моральную общность единоверцев.

Говоря языком Дюркгейма, *моральную* – значит *социальную*.

Моральная общность – не противовес аморальной. «Моральная» в смысле «социальная» – просто потому, что в 1912 году еще не было развитого религиоведческого тезауруса. Тогда каждый ученый говорил на своем языке.

Солидарная система верований и практик, объединяющая верующих в единую, как говорит Дюркгейм, *церковь*, просто потому, что он пишет во Франции для христиан-католиков.

Хотя по происхождению он потомок парижских раввинов. Но он порвал с иудаизмом и стал светским ученым, закончил Эколь Нормаль.

В Париже для него была создана первая кафедра социологии, он ее и возглавил. Возможно, она была первой в мире (имеется в виду Старый Свет).

Что получается?

Дюркгейм подчеркивает: давайте смотреть на внешнее поведение людей.

Смотреть, как они консолидируются и что их объединяет.

Это можно эксплицировать, не пытаясь влезть в неизведанное, в душу человеческую, что сделал Зигмунд Фрейд. (Тогда же, когда Дюркгейм занимался социологией, Фрейд создавал психоанализ.)

Это *солидарная система верований и практик, относящихся к вещам священным*.

То есть она различает *священное и сверхъестественное*.

Вы, Карен Хачикович, совершенно правильно задаёте вопрос.

Является ли религией конфуцианство или тем паче даосизм, в котором вообще нет понятия священного?

Ведь для китайских мудрецов все «естественно».

Например, дао — это совершенно естественный закон спонтанного возникновения, развития, исчезновения всего сущего.

Там нет ничего загадочного.

Просто нужно войти в этот поток дао (это сложно, но можно).

И этот поток сам понесет вас, если вы принимаете принципы у-вэй и у-синь (то есть принципы жизни без цели и без усилий противостоять этому потоку).

Однако это не обязательно лишь религиозная философия.

Если мы в каких-то конкретных дальневосточных течениях находим функции, о которых я много сегодня говорю, то и конфуцианство – религия.

Например, в 555 году в Китае был построен первый храм Конфуция.

В нем к Конфуцию обращаются как к божеству академической интеллектуальной доктрины.

То есть туда приходят студенты китайских университетов молиться о хороших оценках на экзаменах.

Конфуций и сейчас почитается как божество наряду с Лао Цзы и Буддой.

Сейчас, правда, это уже не институциональная религия. Она, скорее, принимает стихийные формы.

Но в XI–XIV веках это было развитое направление *Сань Цзяо* «Три Вершины». Китайцы считали равными по достоинству трех мудрецов: Будду Сиддхартху Гаутаму, Кун Цзы и Лао Цзы. Эта «Школа Трех Вершин» учит, что нужно объединить философию Индии и Китая. Это было, кстати, сделано аскетом Ань Шигао еще во II веке. Он сам учился в Индии, а потом приехал проповедовать буддизм в Китае.

Так вот, если мы видим, во-первых, необходимый набор функций, во-вторых, ритуал, в-третьих, сакрализованное поведение, то это – религия.

Раннее конфуцианство, наверное, религией не было. Это была именно государственная этика.

С VI века н. э. (а Конфуций – это VI век до н. э.), то есть через 1000 лет, конфуцианская доктрина стала религией.

Я бы так ответил Вам.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Правда, невольно напрашивается несколько провокационный вопрос. Нет ли здесь такого глубинного противоречия в виде религии?

Солидарная система, работающая на объединение, потом приводит к Варфоломеевской ночи, в частности.

Настолько сильно объединяет, что дальше некуда...

Давыдов И.П.: Готов ответить.

Религия объединяет тех, кто внутри.

Она автоматически отличает их от всех, кто находится на периферии.

Тосунян Г.А.: Отличать можно. Противопоставлять – это уже другой уровень отличия.

Давыдов И.П.: Так говорил Дюркгейм, изучая аборигенов Австралии.

Тосунян Г.А.: Хорошо.

Пожалуйста, член-корреспондент Академии наук Касавина Надежда Александровна.

чл.-корр. КАСАВИНА Н.А. – д. филос. н. ДАВЫДОВ И.П.

КАСАВИНА Н.А.

чл.-корр. РАН, д. филос. н., главный научный сотрудник
Института философии РАН

Касавина Н.А.: Спасибо, Гарегин Ашотович.

Иван Павлович, спасибо за доклад и такие обстоя-
тельные ответы.

У меня короткий вопрос.

Вызвало искреннее удивление, что такое культурное
явление, как джедаизм, отнесено к псевдо- или к квази-
религии.

Может быть, здесь более приемлем термин, который
обосновал Л.Г. Ионин, – «культурная инсценировка»?

То есть некая идентификация, имеющая в данном
случае художественные корни.

Идентификация, которая объединяет определенную
социальную группу, прежде всего молодежную.

Что дает понимание джедаизма как религиозного яв-
ления для изучения религии на научном уровне?

Не достаточно ли его рассмотрения как явления,
имеющего культурные и художественные корни?

Давыдов И.П.: Благодарю Вас за вопрос.

Культурная инсценировка на современном языке
называется косплеем.

Наверное, это не единственная форма культурной
инсценировки.

Но в том-то и дело, что американский джедаизм
перерос эту культурную инсценировку.

Точно так же, например, как в России культурную
инсценировку переросли сторонники универсума

Толкиена (толкиенисты), потому что Толкиен смог задать богатый спектр возможностей жить в его мирах.

Сейчас существуют сайты на эльфийских языках. Люди реально учат эльфийские языки. Есть даже учебники эльфийских языков.

И существует продолжение тех текстов, которые принадлежат перу непосредственно Толкиена как мэтра.

Одно дело, если мы просто говорим об инсценировке. Скажем, о постановке на театральных подмостках или даже где-то на полянке чего-то, напоминающего «Войну миров» или похождения хоббита («Хоббит. Туда и обратно»).

Другое дело, когда это принимает институциональные формы, когда существует свой специфический язык, свой ритуал.

Кстати, соответствующие костюмы могут не использоваться в повседневной жизни (а могут и использоваться!).

Существует своя иерархия, свои посвящения, свои праздники, которые они тщательно соблюдают.

Толкиенисты живут по своему календарю, сторонники франшизы «Звездных войн» – по своему календарю.

Они интегрируют историю человечества в историю универсумов, которые ближе их вере.

В таком случае это не простая инсценировка.

Инсценировка предполагает, что вы на время вышли за пределы какого-то обыденного круга. Встретились друзья на полянке, а вечером разошлись и снова превратились в обычных горожан.

Но люди, исповедующие толкиенизм или джедаизм, продолжают даже в своей повседневной практике придерживаться тех критериев, которые они получили при посвящении (жить «как хоббиты» или «как джедаи», по канонам их новой веры).

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Петр Владимирович Сергеев из Смоленского университета. Очень приятно, что у нас присутствуют представители разных регионов.

Пожалуйста, Петр Владимирович.

к. ю. н. СЕРГЕЕВ П.В. – д. филос. н. ДАВЫДОВ И.П.

СЕРГЕЕВ П.В.

к. ю. н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Смоленского государственного университета

Сергеев П.В.: Спасибо большое.

Иван Павлович, такой вопрос.

Можно ли сказать, что любой религии обязательно присущ такой признак, как организованность, то есть наличие какой-то иерархии или структуры?

Или же религия может существовать в стихийном виде?

Спасибо.

Давыдов И.П.: Благодарю Вас за вопрос.

Поскольку я здесь выступаю от лица социологов и социальных антропологов, скажу следующее.

Религия, с точки зрения Эмиля Дюркгейма, – это всегда общественный феномен, никогда не индивидуальный.

А общество – это всегда пирамида, всегда иерархия.

Не важно, какие харизматики наверху и какие рядовые общинники внизу.

Религия в этом смысле всегда структурирована и институциональна.

Единственный пример религии, исповедуемой человеком-одиночкой, я вычитал в свое время у Гилберта Кита Честертона.

У него есть замечательный пассаж в сборнике новелл «Пять праведных преступников».

Там есть такой нюанс: некий новый Робинзон, потерпевший кораблекрушение, попадает на необитаемый остров.

Конечно, остров оказывается обитаемым.

Там живет еще один Робинзон, оказавшийся на этом острове до него.

Этот человек совершенно одичал.

Единственное, что он спас из кораблекрушения, – зонтик. И у него возникла стихийная религия зонтика.

Он знает, что его связывает с цивилизацией только зонтик (как продукт технического производства).

Зонтики не растут на деревьях! Он спас этот зонтик, он ему молится.

И когда приплывает судно его спасать, он отказывается покидать свой остров.

Он говорит примерно следующее (не дословно): «Я с этим зонтиком сроднился. Когда мне надо поесть, я молюсь зонтику и ныряю за рыбой, и рыба всегда ловится. Когда я хочу пить, я молюсь зонтику – идет дождь, и я вдоволь утоляю жажду. Так что мне здесь хорошо».

Эту религию он никому не навязывает, и когда у него появляется собеседник, говорит: «Я молюсь зонтику, а ты можешь делать что угодно».

Примерно так Честертон выстраивает диалог своих героев.

Второй Робинзон в некотором смысле стал невольным наблюдателем индивидуальной «религии зонтика» аборигена-одиночки.

А на прибывшем корабле «Тот-кто-без-зонта» (назовем его так) уплыл обратно в Великобританию и стал заниматься благотворительностью.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Профессор Момджян, пожалуйста.

д. филос. н. **МОМДЖЯН К.Х.** – д. филос. н. **ДАВЫДОВ И.П.**

Момджян К.Х.: У меня короткий вопрос.

Иван Павлович, можно ли считать полноценной религией сатанизм?

И можно ли считать религией, предположим, франк-масонство?

Давыдов И.П.: Сатанизм шире.

Это течение, включающее в себя церковные институты.

Если мы говорим о «церкви Сатаны», то это религиозный феномен (антихристианство).

Более того, сами сатанисты – Антон Шандор Лавей и ему подобные – заявляли о том, что они самые добрые люди на Земле.

Сатана – не кто-нибудь, а хоть и падший, но ангел.

И он имеет чистую божественную природу.

Но в гордости своей он борется за *свою* правду, а не за правду Творца.

Собственно, настоящие сатанисты никаких кровавых ритуалов с человеческими жертвоприношениями не осуществляют где-то там в катакомбах или подземельях (во всяком случае, о них достоверно ничего не известно).

То есть эта проблема весьма болезненна: только ли «добрыми», «человеколюбивыми», «гуманными», «легальными» могут быть религии?

Можно ли изучать любые формы религиозности, или нужно сосредоточить свое внимание на «традиционных»?⁷

⁷ Комментарий Давыдова И.П. для уточнения своей позиции: религиовед чем-то похож на естествоиспытателей эпохи великих географических открытий. Доктор Паганель из «Детей капитана Гранта» Жюль Верна с воодушевлением гонялся за любой живностью с целью изучить флору и фауну неизведанных земель. Так и религиовед ищет проявления религии повсюду. А насколько «опасны», «ядовиты», «бесчеловечны» окажутся его находки – покажет время. Если бы не было медиков и вирусологов, человечество никогда не победило бы чуму, оспу, холеру и другие эпидемии, как о том подробно пишет создатель

Почему мы можем фиксировать это на уровне религии?

Потому что в Америке стоит мемориал козлоногому Люциферу. Одной рукой он показывает на небо, другой – на землю. А у его копыт копошатся мальчик и девочка.

Этот артефакт есть, его сделали граждане США, и с этим приходится если не мириться, то считаться.

Нужно понимать, что это институционально сформировалось.

Оценивать, хорошо это или плохо, уже совершенно другая тема.

Что касается франкмасонства.

На мой взгляд, любое масонство, в том числе и франкмасонство, это, скорее, некое явление из области религиозной философии.

Может быть, политической теософии, но не полной религии.

Да, у них есть ритуалы, обряды, степени посвящения. У них есть специальная форма, атрибутика, знаки различий и многое другое (как есть нечто подобное в любой армии или футбольном клубе).

Но, как ни парадоксально, достоверных сведений о масонах я не встречал.

Они скрывают свои ритуалы.

Например, социологов или антропологов на свои встречи они не пускают.

Вот если меня или моих коллег франкмасоны пустят, тогда мы сможем сказать об этом что-то серьезное.

Тосунян Г.А.: Хорошо, мы походатайствуем.

Юлия Борисовна Епихина, пожалуйста, Ваш вопрос. И будем завершать обсуждение первого доклада.

акторно-сетевой теории социолог науки Бруно Латур в своей книге «Пастер, или Война и мир микробов».

к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б. – д. филос. н. ДАВЫДОВ И.П.

Епихина Ю.Б.: У меня короткий вопрос, снова касающийся функций.

Если ориентироваться на перечень функций, то в джедаизме присутствуют мировоззрение, ритуалы, собственный календарь и, безусловно, определенные утешительные функции.

Почему же джедаизм не считается религией?

Каких именно функций ему не хватает для того, чтобы быть полноценной религией?

Если эти функции появятся и будут признаны религиоведами или социологами религии, перейдет ли джедаизм в разряд религий?

Спасибо.

Давыдов И.П.: В докладе я представил ситуацию в некотором историческом срезе на сегодняшний момент.

Я рассказал, как это квалифицируют не только российские религиоведы, но и наши коллеги за рубежом, в частности, в Австралии и Скандинавии.

А они не готовы признавать молодые, новые религии «полноценными» просто потому, что те слишком молодые, у них нет истории.

Религия должна в некотором смысле «отстояться», «созреть», выдержать испытание временем и доказать свое право на существование.

Только тогда, по Яну Фэнгану, она будет «полной», «полноценной».

Епихина Ю.Б.: Значит, определения функций недостаточно для того, чтобы социальное явление было признано религией?

Давыдов И.П.: Да, это научный метод, но не панацея.

Например, что касается джедаизма.

Многие религиоведы и мифоведы отказывают джедаизму в наличии сакрального, именно *священного*.

То есть то, что для джедаев священо, не очевидно свято для всех остальных мыслящих существ.

И еще есть такое суждение: могут ли джедаи воевать световыми мечами в реальности?

Нет!

Вот когда смогут, тогда можно будет говорить о реальном, а не виртуальном феномене.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Коллеги, у нас еще будет возможность задать вопросы Ивану Павловичу и вступить в дискуссию.

Кстати, я хочу поблагодарить Вас, Иван Павлович, не только за доклад еще раз, но и за то, как Вы обстоятельно, детально отвечаете на вопросы.

Чувствуется глубокое владение материалом и уважение к задающим вопросы. Это очень важный фактор нашего обсуждения.

Перейдем ко второму докладу: «Религия, религиоведение: проблема границ».

Шабурова Николая Витальевича я уже представлял: профессор, директор Центра изучения религий РГГУ.

Прошу Вас.

ДОКЛАД 2

ШАБУРОВ Н.В.

к. культурологии, профессор, директор Центра изучения религий
Российского государственного гуманитарного университета

РЕЛИГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ: ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ

Спасибо.

Ощущаю себя немного в сложной ситуации.

После замечательного доклада Ивана Павловича я
буду говорить на схожие темы.

Кое с чем я не согласен, но это естественно.

Меня всегда представляют как религиоведа.

В чем-то это правильно, но есть нюанс: я историк религии.

Интерес к истории у меня всегда превалировал над
интересом к различным теоретическим моментам.

Когда мы встречаемся с тем, что имеется тысяча
определений религии, могут быть разные реакции.

У меня, скорее, реакция некоторого ужаса.

И это тот самый хаос, которому религия должна противостоять.

Должен сказать, что мне очень близко определение
религии Дюркгейма.

Оно мне кажется почти идеальным.

Конечно, многое зависит от того, что мы априори
включаем в поле религии.

Если говорить, что для религии обязательна вера в
сверхъестественное, мы должны тогда проводить очень
жесткие границы.

Что касается наличия священного.

Считаю, что всегда целесообразно исходить непосредственно из этимологии, значения слова.

Сразу надо оговориться: слово «религия» происходит из латинского языка.

И тут, конечно, возникает вопрос.

В какой степени этот термин может вообще соответствовать каким-то феноменам Индии или Дальнего Востока?

По поводу этимологии слова «религия» спорят.

Это *religare* или *religare*?

Эти слова имеют разные значения.

Я делаю выбор в пользу *religare* – «связывать, соединять», потому что эта функция религии представляется в значительной степени очевидной.

То есть религия – это некая связь, некое соединение.

Хотя Лактанций или Августин предлагали *re eligare* – «воссоединять».

Допустимо и такое значение. Соединять то, что сейчас разъединено, но когда-то было соединено, и надо вернуться к прежнему состоянию.

И тогда вопрос: что с чем соединяется?

Один элемент очевиден. Это – человек, потому что религия есть только у людей.

Дополнительный вопрос: человек как индивидуум или как какое-то сообщество людей?

Позволю себе чуть позже ответить на этот вопрос. Пока будем говорить – просто человек.

С чем происходит соединение?

Напрашиваются какие-то элементарные ответы.

Причем они сразу очень многое ограничивают и отсекают.

Например, соединение с Богом. Но это ведь не ко всем религиям относится.

Я предложил бы следующее определение.

Возьмем мир, понятый как некоторая целостность.

Не эмпирический мир, с которым мы постоянно соприкасаемся, а мир как некоторая целостность.

В разных традициях целостность выступает по-разному.

Она может представлять в образе личностного Бога или некоего безличностного духовного начала. Все это образует сферу сакрального.

А может быть, на этом пути и нет священного и сакрального, но этот путь – дао. Он тоже как-то отделен от того, что мы понимаем под обыденной жизнью.

С одной стороны, я сторонник проведения всяческих границ. Для некоторого научного метода это является чем-то, безусловно, необходимым.

С другой стороны, это, конечно, все очень красиво, даже убедительно – квазирелигии, псевдорелигии и так далее.

Но все же для меня тут остается очень много субъективного.

Мне хотелось бы разграничить религию с некоторыми другими сферами как деятельности человека, так и интеллектуальной жизни, потому что я позволил себе говорить о некоей целостности, с которой необходимо соединиться в этом религиозном акте.

Но сразу приходит в голову мысль: а не с этим ли работает философия?

Философия работает с самой целостностью, которую в разных системах называют по-разному.

Это может быть и мир идей, как у Платона.

Это может быть перводвигатель Аристотеля, мировой дух в философии Гегеля или материя, что тоже метафизическое понятие.

На уровне обыденных представлений иногда все это смешивается.

Можно даже услышать мнение, что Библия – это такая философская книга.

Полагаю, что Библия – это совсем не философская книга.

Так в чем отличие?

Иван Павлович очень четко ответил на этот вопрос со ссылкой на Дюркгейма.

Когда мы смотрим с человеческой позиции, кто соединяется, кто входит в эту связь – отдельный человек или некоторое сообщество?

Да, конечно, сообщество. Потому что религия – явление социальное.

Это может быть очень малочисленное сообщество.

В случае мировых религий – это сотни миллионов человек.

Но в любом случае это всегда нечто коллективное.

Конечно, философия – поскольку она функционирует в обществе – имеет социальное измерение.

Мы знаем философские школы.

Но тем не менее все же философия – это некий индивидуальный интеллектуальный акт.

Мы знаем школы платоников или гегельянцев.

Но для нас прежде всего важны сами творцы философии: Платон, Аристотель, Кант, Витгенштейн.

В религии не так.

Индивидуальной религии быть не может.

Если бы у творцов мировых религий: Мухаммеда, Иисуса Христа, Моисея и других – не было бы последователей, их можно было бы назвать мистиками или как-то еще.

Но их не относили бы к истории религии.

Итак, религия – это всегда нечто социальное, в отличие от философии.

Я апеллирую к каким-то общераспространенным, обыденным представлениям.

Возьмем религию и мораль, этику.

Не будем углубляться в историю.

Но в конце 1980-х – начале 1990-х годов начался процесс реабилитации религии.

Как это преподносилось?

Все религии проповедуют высокую мораль.

Это очень хорошо, это то, чего нам недостает.

У нас как раз дефицит морали.

В конце концов, будем толерантны, примем веру в сверхъестественное и подобные вещи тоже, хотя, может быть, нам это кажется странным, ради вот такой высокой морали.

В принципе, это, конечно, неправильно.

Сошлюсь на Канта.

Конечно, можно Канта не принимать, но мне кажется, он очень убедителен, когда демонстрирует автономию морали и ее независимость от религии.

Это первый момент.

И второй момент.

Когда мы обращаемся к истокам, к архаическим формам религии, там не очень хорошо с моралью.

За это Платон критиковал Гомера, а заодно и вообще традиционную мифологию.

Как же так? Боги ведь должны быть примером высочайшей морали. А они там борются друг с другом, предаются блуду... Все это совершенно нечестиво.

Не надо забывать, что Платон жил в несколько иную эпоху, которая была названа Ясперсом осевым временем.

В эту эпоху религия как раз стала приобретать этический характер.

А если мы обратимся к архаическим формам, мы там этого не увидим.

Боги могущественны, и это самое главное.

А мораль у них своя.

Другой вопрос заключается в следующем.

На протяжении многих столетий, если не тысячелетий, этика оказалась встроенной в ту или иную религиозную систему.

И поэтому мы ее получаем уже в религиозной «упаковке».

И с этим тоже, конечно, надо считаться.

Но опять же, принципиально, как мне кажется, что религия и этика – это разные вещи.

Назову еще один аспект, который относится к религиозным практикам.

Нет религии без тех или иных ритуалов, это совершенно обязательно.

Допускаю, что в поздние времена, в XIX–XX веках, были какие-то попытки освободить религию от ритуального компонента.

Но это, на мой взгляд, в значительной степени противоречит самой сути религии.

Есть еще одна дополнительная характеристика религии. Речь идет о связи религии и мифологии.

Как мифология соотносится с религией?

Мне хочется как-то это упростить и исходить из этимологии, на сей раз греческой.

Mythos – «рассказ, повествование». И сразу мы отсекаем все, что не относится к этому.

Договоримся, однако, о том, что миф – это не всякий рассказ, а особый.

Я дал бы такое рабочее и несколько провокационное определение.

Миф – это абсолютно правдивое повествование о том, как наш мир в целом и его важнейшие сегменты пришли в нынешнее состояние.

Тут могут быть вопросы: как же так, почему абсолютно правдивое?

Но это естественно для того сознания, в котором миф главенствует.

Кроме того, это некая картина мира и способ его описания не через определение, как мы привыкли, как это имеет место в науке, да и в философии тоже, а через рассказы, через повествования.

Что такое Луна?

Мы ответим, что это небесное тело, спутник Земли.

Ответим в зависимости от нашей компетентности в астрономии.

Однако носитель мифологического сознания в ответ на этот вопрос расскажет историю о том, как в результате действия неких сверхъестественных персонажей появилась Луна и в конечном итоге заняла на небесах привычное для нас место.

Вопрос, который занимал многих исследователей, – о связи мифа и ритуала.

Здесь точка соприкосновения религии и мифологии.

В сущности, религиозные ритуалы и те ритуалы, которые связывают с мифами, – это одни и те же ритуалы.

Обязательно ли миф присутствует в религии?

Может ли быть религия, лишенная мифологии?

Когда речь идет о религии Древнего Египта, Древней Греции и так далее, тут вопрос очевиден.

А в христианстве или исламе?

Полагаю, что и в них миф присутствует.

Можно ли за 10 минут объяснить, что такое христианство?

Можно, конечно, прокомментировать Никейско-Константинопольский символ веры.

Но мне кажется, что это неправильно.

Любой рассказ о христианстве надо начинать с изложения евангельского повествования. Обойти его невозможно.

Это и есть основной миф – повествование о приходе Спасителя, о воплощении Бога.

Сразу подчеркну: это не имеет никакого отношения к так называемой мифологической школе.

Это не имеет отношения к проблеме достоверности евангельского повествования, которая решается посредством исторической, филологической науки.

А в иудаизме, к примеру, основной миф – это миф об обретении Торы.

Как определить границу между религиоведением и теологией?

Об этом много и правильно говорил коллега Давыдов.

Добавлю, что религиоведение стремится к тому, чтобы соответствовать признакам науки.

А теология не может этому соответствовать просто потому, что там есть некоторые аксиомы.

Соответственно, если это христианская теология, мусульманская и так далее, в ее основе – Библия, христианские догматы или Коран и хадисы.

Это не отменяет того, что теология вполне обоснованно может быть академической дисциплиной. Она может присутствовать в высших учебных заведениях.

Да, есть традиция присутствия теологии в университетах.

Эта традиция, кстати, намного старше Канта.

Она восходит к первым университетам, к XIII веку.

Но есть еще одно.

В конечном итоге философия тоже не очень соответствует строгим критериям научности.

И вообще, есть очень многое помимо науки – это банальность, что в нашей жизни это есть, – но я бы сказал, что то, что так или иначе присутствует в системе высшего образования и не относится к строгой науке, если мы это все будем исключать, то это совсем не будет полезно.

Благодарю за внимание.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Николай Витальевич, за содержательный доклад.

К Вам также есть вопросы.

Владимир Сергеевич Кржевов, пожалуйста.

к. филос. н. **КРЖЕВОВ В.С.** – проф. **ШАБУРОВ Н.В.**

КРЖЕВОВ В.С.

к. филос. н., доцент кафедры социальной философии
и философии истории философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова.

Кржевов В.С.: Спасибо, Николай Витальевич, за интересный доклад.

У меня вопрос, касающийся связи религии и ритуала.

Есть, можно сказать, максима Лютера: «Спасение дается только верой».

И я всегда понимал это так, что он исключал ритуал.

Как Вы к этому относитесь?

Шабуров Н.В.: То, что имеет отношение к религии и даже к спасению, это не ограничивается Лютером.

Но у Лютера была позиция, из которой во многом вырос протестантизм.

Он опирался на апостола Павла (Послание к Римлянам), где у него спасение даруется верой.

Лютер дополнил «только верой», и потом даже обосновал это.

Там есть Послание Иакова: «Вера без дел мертва».

Это во-первых.

А во-вторых, что-то мы не видим, что в лютеранской церкви нет ритуалов.

Они там есть.

И Лютер, кстати говоря, никогда не выступал за ликвидацию ритуалов.

Он говорил о другом.

Речь идет конкретно о спасении, о том, что с Богом не торгуются.

Если совершать какие-то добрые дела, дарует ли мне Бог за это вечное спасение?

Нет, ничего подобного!

Человек вообще грешное существо: есть первородный грех и другие.

И человек должен верить в искупительную жертву Христа.

А спасение идет от Бога.

Что касается добрых дел.

Конечно, христианин должен их совершать, но они являются следствием веры, а не наоборот – я делаю эти добрые дела ради своего спасения. Таков, как мне кажется, контекст Лютера.

Кржевов В.С.: Позволю себе уточнить.

Насколько я понимаю, Лютер протестовал против всей специфической религиозной обрядности.

Он ее отрицал именно потому, что совершение ритуалов имело магический характер. А это, по его мнению, для христианства совершенно чуждо.

Шабуров Н.В.: Ну, как Вам сказать...

К примеру, евхаристия, с точки зрения христиан и самого Лютера, является таинством.

Но это тоже определенный ритуал.

Лютер, как известно, не согласился на союз с Цвингли.

И именно потому, что Цвингли говорил, что евхаристия, в общем, носит символический характер.

А Лютер был убежден в реальности присутствия плоти и крови Христа в хлебе и вине.

Крещение, служба с песнопениями и прочее – ничего этого Лютер не отрицал.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Владимир Сергеевич, Вы в чате сформулировали вопрос, который почему-то сейчас не озвучили, про

обеспечение загробного благополучия. Как с проверяемостью предлагаемых утверждений?

Кржевов В.С.: Это относительно научности.

Если речь идет о научном изучении религиозных ритуалов, в социальном смысле, тут вопросов нет.

Если же рассматривать с точки зрения подтверждаемости, истинности религии, то, на мой взгляд, это никаким критериям научности не отвечает.

Шабуров Н.В.: Мне кажется, что это очевидно.

Позволю себе вернуться к вопросу по поводу конфуцианства.

Хотелось бы назвать имя выдающегося российского религиоведа, социолога Дмитрия Фурмана.

Он – автор многих замечательных работ.

Например, им совместно с китаистом Леонидом Васильевым написана работа «Христианство и конфуцианство. Опыт сопоставительного изучения».

Из нее следует, что на протяжении своей истории конфуцианство в Китае выполняло функции религии.

Момент обожествления Конфуция, создание храмов, ритуалов тоже очень важны.

Почему в Китае конфуцианство, наверное, можно назвать религией?

А в Японии, на которую конфуцианство повлияло в огромной степени, вряд ли?

Потому что в Японии это культовое начало абсолютно отсутствует.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Павел Алексеевич Медведев, пожалуйста.

проф. МЕДВЕДЕВ П.А. – проф. ШАБУРОВ Н.В.

МЕДВЕДЕВ П.А.

д. э. н., проф., финансовый омбудсмен
Ассоциации российских банков

Медведев П.А.: Спасибо большое.
Николай Витальевич, хочу вернуться к ритуалу.
Это сегодня уже стало ритуалом.

Мне кажется, что я все-таки не понимаю до конца ни вопросы, ни ответы.

Вопрос же, как всегда, не в принципе, а в мере. Попробую задать его так, чтобы было понятно, что я имею в виду.

Во времена моей молодости теперешнего Владимира Соловьёва не было.

Приходилось читать книги другого Владимира Соловьёва.

И я прочитал у него, почему очень долго в Риме не побеждало христианство, а потом вдруг – в историческом масштабе очень быстро – оно победило.

Победило потому, что большое начальство догадалось соединить язычество с новой верой и от язычества передать новой вере ритуал.

Известно, что христианские праздники почему-то – удивительное дело – совпадают по времени со старыми языческими.

С моей точки зрения, Владимир Соловьёв пишет об этой части истории с досадой.

Ему казалось, что христианство потеряло оттого, что такая уступка слабости человечества была сделана.

Я знаком с некоторыми современными православными священниками.

Некоторые из них, мне кажется, стараются транслировать такую же досаду.

Некоторые современные, обычно образованные православные священники очень легко уступают своим собеседникам и даже прихожанам ритуал: «Вы, мол, в вере будьте тверды, а какой рукой креститься – это дело десятое».

На «Рабочих завтраках» академика Тосуняна тоже есть некоторый ритуал, но не он определяет то, что здесь происходит.

Правильно ли мое представление о том, что ритуал – это все-таки некоторая досадная добавка к настоящей религии?

Спасибо.

Шабуров Н.В.: С этим не могу согласиться.

Не могу оценивать то, что написал Соловьёв, не читал это его рассуждение.

Но замечу, что ритуалы у христиан были с самого начала, задолго до Константина, до легализации христианства.

Да, в XIX веке были какие-то авторы, которые пытались доказать, что первоначальное христианство было и внеритуальное, и чуть ли не внемифологическое.

Это ошибка, это заблуждение.

Но то, что праздники совпадают...

Это же было сделано затем, чтобы люди праздновали тогда, когда им это привычно.

Медведев П.А.: То есть это была уступка!?

Шабуров Н.В.: Это была политика, это была тактика.

Это не имеет отношения к тому, что ритуалы необходимы.

И это, мне кажется, не имеет отношения к политике государства.

Другое дело, что в разные времена в разных традициях каким-то вещам придавалось большее значение, каким-то меньшее.

То, что Вы говорите, мне кажется, исходит из некоторого представления об идеальной религии, которая если не только про мораль, то хотя бы про духовное и мистическое.

Реальная религия обязательно имеет социальное измерение.

И это социальное измерение предусматривает практики, а ритуалы являются важнейшей составляющей этих практик.

Конечно, можно услышать пренебрежительное отношение к ситуации, возникшей в России в середине XVII века с появлением старообрядчества.

В качестве противопоставления можно привести западноевропейскую Реформацию.

Там спорили о каких-то принципиальных вещах.

В России же произошел раскол из-за отношения к тому, как совершать крестное знамение – тремя или двумя перстами...

Надо понимать, что для людей того времени ритуалы имели символический характер.

Вера выражалась в ритуале.

Это были вещи, неотделимые одна от другой.

И для этих людей изменение ритуала означало изменение веры.

Мы можем по-разному к этому относиться, но это реальный факт. Люди шли на смерть, на муки, они противостояли и церковному начальству, и светской власти, потому что у них было трепетное отношение к ритуалам.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Мецо Юрьевич Игитян, Вам слово.

ИГИТЯН М.Ю. – проф. ШАБУРОВ Н.В.

ИГИТЯН М.Ю.

преподаватель МГИМО МИД России, президент Фонда поддержки международных экономических и гуманитарных программ «Стратегия»

Игитян М.Ю.: Коллега спрашивал у докладчика по поводу доказательств загробного благополучия.

Хочу напомнить, что наука ищет ответы через факты и доказательства, а религия – через веру.

Видимо, поэтому здесь надо полагаться только на веру.

Вопрос по поводу науки и религии адресую Николаю Витальевичу.

В современных университетах совместно работают и физики, и биологии, и богословы.

Они ищут ответы не только о происхождении Вселенной.

Обсуждается этика новых открытий – допустим, вопросы генетики или применения искусственного интеллекта.

Понятно, что эти вопросы требуют также участия философов и религиозных деятелей.

Вопрос в следующем.

Возможно ли сосуществование науки и религии без конфликта, или они изначально противоречат друг другу?

Шабуров Н.В.: В те эпохи, когда религия претендовала на объяснение космологии и других подобных вещей, неизбежно возникали конфликты.

Мы это знаем на примере отношения к гелиоцентрической картине мира в католической церкви.

Можно привести и другие примеры.

Потом носители религии разумно сочли, что не стоит вмешиваться в такие вопросы.

Парадоксально, но в конце XIII века в Западной Европе появилось такое учение.

Его называли «учение о двойственной истине», или правильное, может быть, «учение о двух истинах».

Мыслители – последователи такого учения считали, что мир не был сотворен во времени, мир вечен. А это противоречило тому, что написано в Библии и чему учила церковь.

Они тогда выдвинули такую концепцию.

Истина религии, с одной стороны, и истина науки и философии, с другой, могут не совпадать, и в этом нет ничего страшного, это разные области.

Такая концепция была встречена очень негативно защитниками церковной ортодоксии.

Мы понимаем, что это была попытка обезопасить, защитить автономию научного знания, научных исследований.

Но проходит пара столетий, и мы видим такую парадоксальную вещь.

Эту теорию двойственной истины начинают защищать как раз представители церкви.

Церковный взгляд оказывается в обороняющейся позиции.

Якобы говорится про другое, а не про то, как устроена Вселенная и как на самом деле произошли мир или человек.

Так что давайте разграничим эти сферы.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, Карен Хачикович Момджян.

д. филос. н. **Момджян К.Х.** – проф. **ШАБУРОВ Н.В.**

Момджян К.Х.: Николай Витальевич, у меня такой вопрос.

Если Вы считаете конфуцианство религией, что Вам мешает, исключая хронологию, считать религией культ Ленина в большевистской идеологии?

Шабуров Н.В.: Пожалуй, сошлюсь на Ивана Павловича, который говорил по поводу джедаев, что прошло мало времени для признания джедаизма религией.

Хронология – это существенная вещь.

И где он теперь, этот культ Ленина?

Если бы это закрепилось по прошествии 100 лет, тогда можно было бы об этом говорить.

В Китае, в Пекине, я видел чуть ли не в буддийских храмах бюстики Мао Цзэдуна.

Мне говорили, что во Вьетнаме сейчас распространена практика – помещать изображение Хо Ши Мина в разные храмы.

Хо Ши Мин, наверное, в гробу переворачивается, поскольку был совершенно непримиримый атеист.

Тосунян Г.А.: Хорошо, ответ понятен.

Момджян К.Х.: Николай Витальевич, а не проще нам все-таки признать, что религия неотъемлемо связана со сверхъестественным, с верой в чудо?

Тогда у нас возникает совершенно четкая дефиниция. Мы отличаем религию от этических учений и от всего прочего.

Шабуров Н.В.: Это сложный вопрос.

Признаюсь, у меня нет на него однозначного ответа.

Я бы все же не связывал это так жестко, хотя ...

Саватюгин А.Л.: Надо просто признать коммунизм сверхъестественным.

Шабуров Н.В.: Приведу пример.

Мы знаем такие явления в рамках народного православия.

Иван Павлович приводил пример о китайских студентах, которые приходят в храмы помолиться Конфуцию, чтобы получить высокую оценку на экзамене.

Или как-то промелькнуло в СМИ, что объектом культа стала могила Павлика Морозова.

Молодые люди из соседних деревень и поселков, желающие поступить в вузы, совершают какие-то ритуалы над могилой Павлика Морозова.

Вот что это?!

Тосунян Г.А.: Понятно.

Профессор Тедеев, пожалуйста.

проф. ТЕДЕЕВ А.А. – проф. ШАБУРОВ Н.В.

ТЕДЕЕВ А.А.

д. ю. н., к. э. н., проф., профессор кафедры государственного аудита Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова

Тедеев А.А.: Мой вопрос очень короткий.

Он в некотором смысле продолжает тему про большевиков.

Существует такая точка зрения, что религия – это очень важный инструмент, являющийся одним из элементов механизма государственного воздействия.

Согласны ли Вы с такой позицией?

Вправе ли мы утверждать, пускай с некоторой степенью условности, что религия, миф, ритуалы в их соединении выступают теми важными ингредиентами «коктейля», из которого и возникает государство?

И потом уже появляются социальные регуляторы.

Спасибо.

Шабуров Н.В.: Не готов ответить.

Думаю, что возникновение государства – это какой-то особый феномен.

И я не уверен, что он так жестко связан с тем, о чем Вы говорите.

Тосунян Г.А.: Хорошо, спасибо. По крайней мере, честно. Потом в дискуссии можете свою точку зрения раскрыть.

Профессор Калашников Сергей Вячеславович, пожалуйста.

проф. КАЛАШНИКОВ С.В. – проф. ШАБУРОВ Н.В.

КАЛАШНИКОВ С.В.

д. э. н., проф., заведующий кафедрой труда и социальной политики Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ

Калашников С.В.: Я не получил ответа на один вопрос.

У меня сложилось впечатление, что понятие религии авторы отождествляют с понятием церкви.

Разделяете ли Вы понятие религии как мировоззрения каждого отдельного человека и понятие институтов, которые реализуют концепцию религии как общественного института?

Как я понимаю, нам представлен социологический взгляд на то, что такое религия.

Однако религия может рассматриваться с разных сторон.

Рассмотрение религиозных догматов, на мой взгляд, больше относится к предмету философии, чем, например, дискуссия о том, что такое религия.

Отождествляете ли Вы церковь и индивидуальное мировоззрение каждого человека?

Хотя я чувствую по выступлениям, что получу отрицательный ответ.

Спасибо.

Шабуров Н.В.: Нет, что значит мировоззрение каждого отдельного человека?

Мне кажется, здесь затронут другой вопрос.

Затрудняюсь на него ответить.

Это те проблемы, которыми занимаются, во-первых, психология религии, а также так называемое когнитивное религиоведение.

Они ищут истоки религии в особенностях человеческого сознания, а в конечном итоге – чуть ли не в каких-то материях, относящихся к устройству человеческого мозга.

Возможно, это тоже подход, но на этот вопрос лучше ответят другие специалисты.

Иван Павлович выступал от имени социальной антропологии.

Я – от имени истории, и я уже высказывал свою позицию, что религия – это социальный феномен.

Конечно, можно говорить, что это сложение каких-то индивидуальных мировоззрений. Но, как известно, это уже приобретает качественно иное измерение.

Если мы будем смотреть на вопрос в историческом плане.

У отдельных индивидов случались очень своеобразные взгляды, которые реально могли полностью или частично не совпадать с тем, чему учила церковь или какая-то другая религиозная институция.

Но в конечном итоге это не играло какой-то большой роли.

Действовал, если угодно, этот параллелограмм сил.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Николай Витальевич.

Спасибо за обстоятельные ответы.

Очень приятно, когда докладчик слышит вопросы и отвечает честно, не упаковывая в красивые слова непонятное содержание.

Спасибо за такую откровенность.

Коллеги, у меня предложение заслушать третий доклад, а потом уже проведем общую дискуссию. Тем более что все три доклада на одну тему, они друг друга дополняют.

Третий доклад – «Вопрос о рациональности / иррациональности религии в современном обществе». Попрошу выступить Кирилла Витальевича Карпова, старшего научного сотрудника Института философии РАН.

ДОКЛАД 3

КАРПОВ К.В.

к. филос. н., старший научный сотрудник Института философии РАН, доцент кафедры истории зарубежной философии философского факультета Российского государственного гуманитарного университета

ВОПРОС О РАЦИОНАЛЬНОСТИ / ИРРАЦИОНАЛЬНОСТИ РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Большое спасибо за приглашение. Очень интересное обсуждение, дискуссия. Благодарю моих содокладчиков.

Мне кажется, темы подняты совершенно разные.

Да, все мы ходим вокруг определения религии.

А на самом деле выходим в совершенно разные области: это и психология религии, и история религии, и когнитивное религиоведение.

Я хотел бы посмотреть на религию обывательским взглядом.

С другой стороны, у меня есть свой критерий, это критерий эпистемологический.

Уверен, что религия влияет на наши убеждения, что бы мы ни понимали под религией вообще.

И с этими убеждениями надо что-то делать, потому что они каким-то образом включаются в нашу жизнь, влияют на нас.

Вопрос в том, какого качества эти убеждения.

Хотел бы начать с того, что все мы живем – кто-то больше, кто-то меньше – в эпоху, заданную Просвещением.

Я имею в виду прежде всего западные общества.

Просвещение – это ответ на модернизацию экономических производственных отношений.

И что характерно для Просвещения – оно делает особый упор на рационализацию.

Но это, в общем, не какая-то отличительная черта Просвещения.

Историю Античности, в принципе, тоже можно представить как развитие рационализации: от Гомера – к Платону и далее.

Средневековая философия и теология, я вам точно скажу, это тоже все про рационализацию, как бы нам это ни показалось удивительным.

Однако проект Просвещения это обстоятельство особо подчеркивает.

Вспомним «Новый Органон» Фрэнсиса Бэкона.

Там говорится о том, что нужно отказаться от авторитетов, говорится, насколько пчелы хорошие.

Бэкон также говорит о препятствиях на пути познания, которые он называет идолами: рода, пещеры, рынка и театра.

По мнению Бэкона, эти идола мешают людям получать истинное знание, поэтому важно их преодолевать.

Вспомним Монтескьё с его педалированием климатического фактора в развитии экономики и политики.

Вспомним Руссо и Локка, их рассуждения о первом состоянии человека, общественном договоре.

Концепции Просвещения ищут рациональное основание для разных явлений.

Конечно, здесь и Кант со своим лозунгом «Имей смелость пользоваться собственным разумом».

И религия тоже не стала исключением в этом процессе рационализации.

В концепциях мы постепенно переходим от религии откровения к религии естественной.

И затем Кант – это уже апофеоз, «религия в границах одного только разума».

В своей знаменитой работе, которая недавно снова была переведена на русский язык, Кант пишет и о том, зачем нужна религия, как она соотносится с моральным законом и как должна быть устроена религия на разумных основаниях.

Для этого он берет христианство как наиболее развитую религию и полностью перетолковывает все верование, все таинства, все обряды.

Удался ли проект Просвещения?

С одной стороны, да.

Мы живем в обществе, где наука имеет какой-то авторитет: мы видим расцвет наук, появление новых наук, новых исследований, новых объектов для изучения.

В частности, религия тоже не так давно стала объектом научного исследования.

Появляется университет нового типа.

Ранее мы говорили о старом университете с тривиумом, квадривиумом и тремя высшими факультетами: богословским, медицинским и юридическим.

Появляются университеты нового типа, и математика, к примеру, из низшего факультета становится одним из главных.

Казалось, религия уходит из общественной жизни.

Это то, что было обозначено термином «секуляризация».

Сначала под этим понимался отъем церковных земель для общего, экономического, государственного пользования. Затем – и то, что из частной жизни религия тоже уходит.

То есть мы меньше уповаем на религию, больше – на науку, на разум, на рациональность.

Но к чему это привело?

Противники Просвещения вам скажут, что вся эта рациональность привела к Первой и Второй мировым войнам.

Она привела к желанию как-то противопоставить себя модерну и Просвещению.

Считается, что особенно в этом противопоставлении преуспела Франция.

Хотя я считаю, что постмодерн – это не попытка убежать, а скорее, некий вариант развития идеи Просвещения.

Можно услышать, что секуляризация не случилась, что религия ушла из общественной жизни и перешла только в частную жизнь, а из частной она никуда не ушла.

В общем, она присутствует.

Приведу несколько фактов из сферы экономики. Они претенциозные, но показательные.

В Академии наук есть комиссия по борьбе с лженаукой.

Она очень активно борется с гомеопатией и астрологией, и в общественном поле информация об этой борьбе постоянно фигурирует.

При этом, по данным «Форбс», 72% людей, принимая важные решения в экономической, финансовой сфере, полагаются на звезды (статья от 2 октября 2024 года).

Крестный отец финансовой астрологии Арч Кроуфорд раскрутил эту область.

По данным социологической выборки бизнес-платформы Lending Tree, 20% респондентов утверждают, что принимают финансовые решения, ориентируясь на гороскопы.

Более того, есть приложения финансовых гороскопов. Эти приложения доступны в Интернете. Ими можно пользоваться как бесплатно, так и за деньги.

В общем, спрос на звездный сервис растет.

Есть мнение, что к 2031 году оборот этого рынка составит почти 23 млрд долларов.

Я привожу факты претенциозные, тем не менее показательные.

Карты Таро тоже весьма популярны.

В 2021 году объем рынка карт Таро в мире, по данным «Форбс», составил 1,2 млрд долларов.

Их используют зачастую в рекрутменте (при приеме на работу сотрудников).

До Академии наук я какое-то время работал на коммерческой почте.

У руководителя нашего IT-отдела, «тельца» по гороскопу, так получилось, в отделе работали только «тельцы».

Обратимся к политике.

У нас как-то не принято говорить о том, что в Западной Европе восстановление после Второй мировой войны было во многом связано с ростом религиозных убеждений в общественном поле.

Может быть, они не принимались массово, но декларировались на самом верху.

К примеру, во многом идеология Западной Германии после войны — это католицизм плюс либеральные американские представления об экономике.

И в общем, наследник Аденауэра – ХДС – сейчас опять выиграл выборы.

Хотя, конечно, там уже гораздо меньше христианской риторики, чем было 60–70 лет назад.

В Италии был популярен лозунг: «Католицизм против коммунизма».

Во Франции известно знаменитое высказывание Шарля де Голля: «Душа Франции – христианка».

И даже в коммунистической Польше из Люблинского католического университета появляется фигура Иоанна Павла II.

Майкл Сэндел в книге «Справедливость. Как поступать правильно?» вспоминает, как Джордж Буш-младший после теракта 11 сентября постоянно повторял: «Так хочет Бог».

Это звучало и в его публичных речах, и, как говорят, на закрытых совещаниях.

Некоторые работники администрации Буша-младшего говорили, что он пребывает в некотором воодушевлении, будто организует новый крестовый поход.

Вспомним недавнее открытие после пожара собора Нотр-Дам в Париже.

Был большой спор между епископом Парижским и французским президентом Макроном.

Макрон рвался выступать на открытии в соборе, и это могло стать первым выступлением здесь светского лидера.

Епископ всячески противился этому, предлагая президенту выступить вне стен собора.

Но вмешались высшие силы: пошел дождь, и Макрон все-таки выступил в соборе.

Среди гостей этой церемонии были Дональд Трамп, Илон Маск, президент FIFA.

Это было светское мероприятие, тем не менее все хотели попасть на открытие этого собора и выступить не на улице, а в соборе.

И наконец, пример, касающийся всех нас: конфликт нашей страны и соседнего государства – между УПЦ и ПЦУ.

С учетом того, как строится идентичность, в том числе на религиозных основаниях, можно констатировать, что из политики религия не ушла.

Казалось бы, когда речь заходит о здоровье, люди становятся очень рациональными. Но это не так.

Академик А.Р. Хохлов в своем Telegram-канале пишет, что госзакупки гомеопатических средств начали снижаться, это очень хорошо.

Значит, комиссия РАН по лженауке работает эффективно.

За последние три года госзакупки гомеопатических препаратов снизились в 6 раз, но при этом общий объем рынка увеличился на 15%.

То есть люди получают эти препараты не по рецепту, а приобретают их самостоятельно.

При этом академик Хохлов пишет: «Все же это не госзакупки – если отдельные граждане хотят платить за воздух, это их дело, а вот если за воздух платит государство, то это явно неправильно».

Может быть, это и так, не буду это комментировать.

Только обращаю внимание на то, что люди верят не в научно разработанные препараты, а в какие-то сомнительные, условно говоря, БАДы.

И процент таких людей возрастает.

Наконец, если мы обратимся к научным конференциям.

Воронежский государственный медицинский университет проводит разнообразные конференции, связанные с религиозной верой и психическим здоровьем.

Здесь речь идет о том, как стыкуются религия и психическое здоровье.

В Уппсальском университете (Швеция) есть факультет протестантской теологии.

У знакомого профессора я интересовался, чему там учат студентов и каково общественное служение выпускников этого отделения.

Оказывается, они отправляются в приходы и работают там, как в офисе.

Они призваны отвечать на электронные обращения и оказывать первичную христианскую поддержку обращающимся.

При этом в программе их обучения есть специальные курсы, связанные с психическим здоровьем.

Эти специалисты должны уметь определить, в каком случае обращение верующего – духовный запрос, а в каком случае – отклонение от психического здоровья.

И это, в общем-то, считается очень важной функцией.

Словом, если духовный запрос, то лечим Христом. А если чувствуется что-то пограничное, на грани здоровья и нездоровья, то должны отправить его в подходящее медицинское учреждение.

Хочу сказать, что религия из общественной жизни не ушла, и, безусловно, какие-то значимые следы религиозности мы фиксируем.

Подчеркну, что у людей, которые подпали под приведенные примеры, есть свои убеждения, и эти убеждения явно носят религиозный характер.

Напомню про замечательного американского эпистемолога Уильяма Олстона, который написал прекрасную работу «Восприятие Бога. Эпистемология религиозного опыта».

В ней он описывает религию как то, что имеет отношение не только к ритуалу, не только к общественному, но в том числе и как то, что имеет для нас ментальную природу.

Мы формируем определенные убеждения, и вопрос состоит в том, насколько эти убеждения рациональны.

Проект Просвещения как раз заключается в том, чтобы показать, что такие убеждения иррациональны.

Рациональное – это то, что проверяемо, не субъективно, а религиозные убеждения субъективны, непроверяемы.

То есть, с позиции Просвещения, это, в общем-то, «недоубеждения», так как они не могут считаться рациональными.

Уильям Олстон построил совершенно изумительную эпистемологическую картину.

Он показал, что опыт таких мистиков, как Тереза Авильская, когда мистик буквально трактует свой опыт как восприятие Бога, может восприниматься в культурном поле как вполне рациональный опыт.

И эти убеждения тоже могут быть обоснованы ничуть не меньше, чем наше убеждение в том, что все мы здесь сегодня собрались.

В общем, я предлагаю взглянуть на религию как на эпистемологическую практику, которая существует в определенных рамках и взаимодействует с другими рациональными практиками.

На моих примерах можно говорить, в частности, о том, что в других практиках обнаруживаются религиозные элементы.

Например, мы можем там увидеть и ритуал, и сакральное, и эсхатологические чаяния.

Конечно, не все в религии сводится к ритуалу. Но чтобы показать это, мы должны сначала прийти к общему пониманию того, что такое, собственно, ритуал.

Вот как пишет об этом основатель этиологии Конрад Лоренц.

Он ставил эксперименты с гусями.

Гусь ходит по одному и тому же маршруту, и если ему преградить дорогу и заставить пойти к той же цели, но другим путем, то гусь очень сильно по этому поводу переживает, нервничает.

Когда мы используем одни и те же маршруты, это пример ритуализованного поведения или нет?

Есть примеры в спорте: скажем, футболисты надевают бутсы в определенном порядке. Это ритуализованное поведение или нет?

В качестве заключения.

Религия присутствует в общественном пространстве в совершенно разных формах: в институционализированных, церковных, но не только.

Религиозное может проявляться по-разному.

И здесь я хочу поддержать Ивана Павловича.

Мы должны взглянуть пристальнее на окружающий нас мир.

Социальная и культурная антропология должны сказать тут свое слово.

Мы должны внимательно взглянуть и на историю религии.

В то же время не надо упускать из виду то, что мы ведем себя по-разному.

И наши религиозные убеждения могут проявиться в повседневной жизни в разных вариантах – рациональных и не очень рациональных.

То есть в своем докладе я хотел обратить внимание именно на эпистемологическую составляющую религии.

Спасибо за внимание.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Кирилл Витальевич.

Коллеги, перейдем к вопросам.

У меня вопрос ко всем докладчикам.

Все три докладчика говорили о религии, но не использовали практически ни разу слово «вера».

Вы говорили о религии и церкви.

А о религии и вере – нет.

Отвечая на вопросы участников, постарайтесь коснуться и этой темы.

А сейчас слово Андрею Летарову, ФИЦ Биотехнологии РАН. Пожалуйста, Андрей Викторович.

д. б. н. ЛЕТАРОВ А.В. – к. филос. н. КАРПОВ К.В.

ЛЕТАРОВ А.В.

д. б. н., заведующий лабораторией вирусов микроорганизмов,
Институт микробиологии им. С.Н. Виноградского
ФИЦ «Фундаментальные основы биотехнологии» РАН

Летаров А.В.: Большое спасибо.

Мой вопрос – по поводу двух утверждений, которые были сделаны в докладе.

Одно утверждение, что в результате проекта Просвещения имела место десекуляризация, которая как бы обращена сейчас вспять.

В доказательство этого Вы приводили определенную долю религиозной риторики, например, в политических высказываниях.

Но я не могу припомнить исторического периода, если не брать специфический случай Советского Союза, где это вытравливалось бы целенаправленно, где доля религиозных высказываний в общественной жизни была бы существенно ниже, чем мы наблюдаем сейчас.

Так есть ли на самом деле этот эффект, или Вам просто почему-то хочется, чтобы он был?

И в дополнение к этому же вопросу.

На каком основании Вы отождествляете с религией вообще все формы не то чтобы иррациональных, а нерациональных или труднорационализируемых знаний, убеждений?

Например, высказывание, что творчество композитора Чайковского глубже и ярче, чем творчество композитора Шнитке, тоже не является в полной мере рациональным.

Но такого рода знание и познание неотъемлемо, оно присутствует в жизни всегда и, на мой взгляд, не говорит ни о чем.

Ровно так же, как и использование или неиспользование карт Таро или гомеопатических средств, на мой взгляд, к религии не имеет отношения, а Вы почему-то их туда относите.

Мне хотелось бы понять, каковы основания для такого решения.

Спасибо.

Карпов К.В.: Спасибо за вопросы.

Уточните, пожалуйста, первый вопрос.

Летаров А.В.: Известен ли Вам какой-либо исторический период с начала проекта Просвещения до наших дней, когда религии было бы сильно меньше?

Карпов К.В.: Я придерживаюсь того, что магистральное общественное движение идет по пути секуляризации.

Присутствия религии в общественном пространстве становится меньше.

Так что, пожалуй, я не хотел сказать, что у нас происходят процессы десекуляризации.

Религия, уходя из общественного пространства, может принимать очень причудливые формы в убеждениях, которых придерживаются люди.

Что касается второго вопроса.

Я хотел привести такие яркие примеры.

«Душа Франции – христианка» – это одно.

А в использовании карт Таро религиозности гораздо больше, потому что люди обычно очень отстаивают свое убеждение на использование такого метода, например, в работе с персоналом, и верят в этот метод.

Это действительно пример иррационального поведения, иррациональных убеждений.

Но в том, как эти убеждения проявляются, как они отстаиваются, возможно, есть какие-то элементы от религии.

До тех пор, пока у нас будет тысяча определений религии, с этим будет очень тяжело работать.

И тем более хорошо то, о чем рассказал Иван Павлович.

У настоящей религии есть порядка 30 функций, а уже на периферии религиозности этих функций гораздо меньше.

На самом деле люди просто хотят защититься от какой-то неопределенности, открытости будущего, в том числе при помощи карт Таро.

И возможно, что защита от открытого будущего – это тоже одна из функций религии.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, Сергеев Петр Владимирович из Смоленского университета.

к. ю. н. СЕРГЕЕВ П.В. – к. филос. н. КАРПОВ К.В.

Сергеев П.В.: Спасибо большое.

У меня такой вопрос.

Не кажется ли Вам, что признание теологии научной специальностью является симптомом иррационализации нашего общества?

Сегодня уже говорили, что в Европе есть такая университетская традиция, но у нас ведь такой традиции не было.

У нас это произошло в XXI веке.

И если раньше кто-то спорил, например, является ли наукой юриспруденция, или это псевдонаука, или это противоестественная наука, по Ландау, то теперь на все эти претензии отвечают просто.

Теология – наука, а в сравнении с теологией юриспруденция точно является наукой.

Как Вам кажется, не является ли это симптомом того, что с рациональностью в обществе что-то не так?

Спасибо.

Карпов К.В.: Спасибо и Вам.

Действительно, очень болезненный вопрос.

Теология с точки зрения той науки, которая говорит о проверяемости, об интересубъективности, опирается на естественнонаучный идеал знания, я бы даже сказал, математический идеал знания.

С другой стороны, сама теология, как она развивалась на протяжении тысячелетий, – это попытка рационализации религиозных доктрин.

И с этой точки зрения нельзя сказать, что теология – это иррационально и очень плохо.

Для религии теология – это очень хорошо.

Но включение теологии в перечень ваковских дисциплин говорит, с одной стороны, об иррационализации.

С другой стороны, надо посмотреть, каковы реальные мотивы для того, чтобы Церковь «продавила» включение теологии в ваковский список.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, Надежда Александровна Касавина, Институт философии РАН.

Касавина Н.А.: Спасибо, Кирилл Витальевич, за многогранный взгляд на религию и ее роль в истории общества и культуры.

В связи с этим меня очень интересует один период. Это первая половина – середина XX века, когда разные авторы-теологи многое сделали для того, чтобы приблизить религию к человеку уже секулярного общества.

Назову несколько имен, и станет понятно, что имеется в виду. Это Пауль Тиллих, Дитрих Бонхёффер, Рудольф Бультман.

Они не ставили задачу трансформации религии, но была попытка через философские работы о религии настроить взгляд современного человека в секулярной культуре на восприятие и трансформацию религиозного опыта.

Меня интересует такой вопрос.

Этот проект (если назвать его проектом теологии культуры) впоследствии «потерялся» в специальных исследованиях, в социальной жизни, в практике, или он имеет значение и по сей день?

Дело в том, что основной акцент они сделали на обращении к индивидуальному опыту.

Считалось, что через такую перенастройку индивидуального мира конфликты, вызванные религиозным противостоянием, будут уходить.

Но впоследствии С. Хантингтон показал, насколько глубоко этнические и религиозные корни конфликтов.

И уже во второй половине XX – начале XXI века они проявляются с особой остротой.

То есть это интеллектуальное явление теологии культуры не дало ощутимых результатов? Как, на Ваш взгляд?

Карпов К.В.: Спасибо, Надежда Александровна.

Мне кажется, что у теологов, особенно протестантских, в секуляризирующемся обществе выход был один – как-то обращаться к индивидуальному человеку и нести евангельскую весть в том аспекте, что это культура.

У Бонхеффера, например, есть «Этика».

Мне кажется, что это исследование в том числе о соотношении религиозного в культуре и о том, как оно обуславливает культуру.

Но надо иметь в виду, что Тиллих – это все-таки представитель очень развитой религиозной традиции.

Также надо сказать, что есть религии очень развитые – христианство, другие мировые религии. Но при этом внутри даже развитых религий религиозное сознание может быть на обывательском уровне.

Не хочу никого обидеть, но кому-то в его жизни до этиологии культуры дела особо нет, у него какие-то другие запросы, мотивы.

Было бы интересно собрать побольше данных о культурной антропологии и разных религиозных традициях.

То есть собрать фактический материал, а не ограничиваться только тем, как взаимодействуют христианство и западная секуляризованная культура.

Тосунян Г.А.: Коллеги, несколько человек заранее записались на короткие выступления. Сначала мы заслушаем их, а потом перейдем к вопросам.

Николай Витальевич, Вы хотели прокомментировать? Пожалуйста.

проф. ШАБУРОВ Н.В. – к. филос. н. КАРПОВ К.В.

Шабуров Н.В.: Кирилл Витальевич, вот чего я не понял.

Просвещение победило, а потом, начиная где-то с XX века, начался регрессивный процесс, мировые войны? Или с самого начала победа Просвещения была некоторой иллюзией?

Хочу напомнить, что Просвещение исторически, хронологически – это XVIII век.

XVIII век в Европе – это эпоха распространения самых разных оккультных сообществ, идей, практик: розенкрейцеры, мартинисты и другие.

Начало XIX века – это романтизм, который тоже культивировал иррациональное. В философии это Гаман, Якоби.

В середине XIX века – Кьеркегор, потом философия жизни и прочее.

Можно в какой-то степени все это считать некоторым общим проектом.

В самом ли деле Вы полагаете, что использование религиозной риторики политиками и увлечение картами Таро – явления одного порядка?

Что касается политиков, то у меня такое ощущение, что тут тоже все очень по-разному.

Вся история с УПЦ мне кажется обратным примером.

На создании национальной церкви в значительной степени была основана предвыборная программа Порошенко.

Мне кажется, он не учел, что при достаточно высоком уровне религиозности украинское общество уже секуляризировано, и все-таки эта религиозная проблема – где-то на периферии.

Другое дело, как это используется политиками.

Когда мы это переводим на индивидуальный уровень, бывают вообще причудливые сочетания.

Знаю ученого, очень рационального, который скрывает, что он составляет гороскопы.

Может, психологически он в этом нуждается.

Я имею нахальство считать себя достаточно рациональным человеком.

И мама моя была тоже вполне рациональной.

Но я от мамы перенял один ритуал.

Если приходится возвращаться, я должен посмотреть в зеркало, а если не посмотрел, потом переживаю.

Вроде того гуся.

Есть, наверное, в этом какие-то тонкие материи.

Насчет гомеопатии.

Не знаю, как на Западе, но у нас очень много людей не знают, что это такое, вроде паранауки, потому что это какой-то особый феномен.

В советское время, когда вообще был культ всего научного, гомеопатия тем не менее признавалась, были гомеопатические аптеки.

Люди просто привыкли, что это иная версия научной медицины.

Правда, я сталкивался с тем, что очень многие люди изумлялись, когда узнавали, что это совсем не научная история.

Так что все достаточно сложно.

Тосунян Г.А.: Да, спасибо. Коллеги, огромное количество поднятых рук.

Вы хотите что-то добавить, Кирилл Витальевич?

Карпов К.В.: Я прокомментирую.

Просто Николай Витальевич хотел показать, что это действительно очень сложно.

И конечно, я не ставлю на один уровень карты Таро и высказывания Шарля де Голля.

Но какие-то явления, элементы в Западной Европе после войны использовались для консолидации общества против восточной коммунистической угрозы.

Когда угроза прошла, вся эта религиозная риторика тоже начала сходиться на нет.

В этом отчасти и был мой посыл.

С одной стороны, мы считаем себя рациональными существами, и с позиций Просвещения мы должны быть рациональными.

А с другой стороны, иррациональное обращение к астрологии, которое обычно не связывается с религией, явно имеет какой-то религиозный фундамент.

Оно может проявлять себя в обществе очень по-разному.

Скорее, мой посыл и подбор явно претенциозных фактов был направлен на то, что мы не можем от этого отмахнуться, это слишком значимая часть жизни.

Тосунян Г.А.: Хорошо, спасибо.

Пожалуйста, Александр Порфирьевич Торшин.

ТОРШИН А.П.

к. ю. н., действительный государственный советник РФ I класса

Я в порядке информации поддержку. Действительно, отмахиваться не нужно.

На прошлой неделе духовное управление мусульман Башкортостана выпустило две фетвы, благословляющие исламский банкинг.

Это еще один инструмент поддержки в совершении сделок.

Тосунян Г.А.: Пожалуйста, Белова Татьяна Павловна, Ивановский государственный университет.

БЕЛОВА Т.П.

к. филос. н., доцент кафедры социологии, социальной работы
и управления персоналом Ивановского государственного
университета

Как социолог религии, прежде всего хотела бы затронуть вопрос эмпирической составляющей тех проблем, о которых мы сейчас говорим.

Недавно закончился пятый этап мониторинга, посвященного исторической памяти студенческой молодежи о Великой Отечественной войне.

Там были поставлены вопросы о религии.

К сожалению, полной базы данных я пока не имею, но по опыту предыдущего этапа могу сказать.

Очень четко прослеживается влияние религиозного фактора на историческую память о Великой Отечественной войне.

Все студенты, которые относят себя к конкретной конфессии – к православным, к мусульманам, к буддистам, – более патриотично относятся к этим событиям, и это отношение влияет на их повседневные практики, на практики общения.

Прослеживается очень четкая прямая корреляция между обсуждением этих проблем в семье и уровнем религиозности, принадлежности к конфессии.

Но с другой стороны, исследования федерального характера, которые проводит Российское общество социологов, показывают, что среди молодежи сейчас примерно половина – религиозных, половина – нерелигиозных.

А среди религиозных русских молодых людей распространена внеконфессиональная религиозность.

И эта проблема сегодня еще не ставилась.

Речь идет о верующих без отнесения себя к какому-то конкретному религиозному направлению, вероучению. Или о христианах, которые себя ни к какому христианскому направлению не относят.

Среди такой молодежи, если сопоставлять соотношение гражданской и религиозной идентификации, преобладает гражданская идентификация.

То есть у нас сейчас молодежь становится все более и более нерелигиозной, усиливаются процессы индивидуализации.

В принципе, индивидуализация является одним из проявлений секуляризации.

Об этом в социологии религии очень много написано, в том числе Питером Бергером.

Сейчас мы говорим, что в том числе религиозные организации участвуют в формировании общероссийской гражданской идентичности.

Повторяю, что большая часть русской молодежи внеконфессиональна, она не относится ни к каким религиозным организациям.

При этом достаточно большая часть молодежи считает себя религиозной.

Такую проблему я хотела бы обозначить.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, Олег Анатольевич Ефремов, Ваш вопрос.

ЕФРЕМОВ О.А.

к. филос. н.

Спасибо, Гарегин Ашотович.

Хотел бы вернуться к вопросам, касающимся соотношения религиоведения и теологии, которые задал после блестящего доклада Ивана Павловича.

Конечно, теология может быть сколь угодно рациональна.

Мы можем восхищаться рационалистичностью некоторых теологических, богословских рассуждений.

Это действительно верх интеллекта.

Но сколь бы теология ни была рациональна, она всегда упрется в догматику.

И любая рациональность здесь – служанка догматики, как философия – служанка теологии.

Догматика в религиозном сознании безусловно-истинна, она боговдохновенна.

И вся рациональность может служить только раскрытию смысла этой догматики – ничему другому.

Нельзя догматику сопоставлять с аксиоматикой, за подобное надо снимать кресты со священников, которые об этом говорят.

Догматика – от Бога, она одна-единственная.

А аксиоматика – это просто конвенция ученых, поэтому никогда теология наукой стать не может.

Вместе с тем есть реальный объект – тот, который надо изучать и исследовать. Это религия во всех ее проявлениях.

Для этого в нашей традиции сложилась прекрасная, строгая наука – религиоведение, которая изучает религию с позиции научности.

Аргумент, что на Западе есть теологические факультеты...

Вы знаете, там в армиях есть кавалерийские полки, в которых ни одной лошади нет и никто на лошадях ездить не умеет.

Это просто дань традиции.

Совершенно справедливо отметили, что у нас другие традиции.

В Московском университете изначально не было никакого теологического факультета.

Многие западные факультеты сегодня эволюционируют как раз в направлении научного религиоведения, называясь при этом теологическими.

Зачем нам идти в обратном направлении?

К тому же зачем нам в вузах теология, если есть религиоведение?

Значит, это должно быть что-то принципиально другое. В чем состоит это другое?

Сами так называемые теологи отвечают: мы смотрим изнутри, а вы – извне.

В одной из первых диссертаций по теологии был потрясающий пассаж о методологии: частью методологии считается воцерковленность исследователя и личный опыт веры.

Что это означает?

Я должен принести на защиту справку от батюшки, что я исповедовался и причастился?

Или, если я защищаюсь по исламу, справку о соответствующей медицинской процедуре?

Это какой-то бред.

Конечно, сейчас такого бреда нет.

Теологические диссертации преимущественно ничем не отличаются от религиозоведческих.

Но зачем тогда «умножать сущности без необходимости»?

Зачем вообще появилась теология в научном и светском образовательном пространстве?

Ответ очень прост, и это не Кант. Это – административные игры.

Многие церковные деятели стремились работать в светском вузовском пространстве, а их якобы не пускали, потому что нет соответствующих ученых степеней.

На самом деле это не так, потому что кто хотел, защищал нормальные диссертации, будучи священником, и прекрасно преподавал в вузах, никто этому не мешал.

На конференции всегда приглашали представителей духовной академии и богословов.

То есть проблем никаких в этом не было.

Проблема чисто административная: мы (представители религиозных кругов) хотим присутствовать в этом пространстве, и нам нужно там свое поле.

Но это поле принципиально чуждо науке и светскому рациональному знанию.

И нам надо договориться, решить для себя: наши университеты – это «храмы науки» или некое неопределенное пространство, где может быть все что угодно?

Конечно, решение, связанное с теологией, было сугубо ситуативным, административно обусловленным, а для научного поля – вредным.

И это решение оказалось вредным для самой теологии.

Как «боговдохновенные» знания можно подгонять под критерии ВАК?

У нас теперь ВАК – судья в догматике?

Дополнительным аргументом является жесткая профессиональная привязка.

Оказывается, у нас православная теология – это одно, исламская – другое, буддистская – третье и так далее.

Теперь представьте себе, что у нас будет одна, вторая, третья и десятая физика, одна, вторая, третья и десятая математика и так далее.

Во что тогда превратится научное мышление?

Во что превратятся университеты, если мы такое знание будем считать научным?

Я очень уважаю theologов, но им место в духовных школах, в различных духовных богословских учреждениях.

Мы с ними прекрасно можем общаться, коммуницировать в рамках решения общественных задач, обсуждения острых социальных проблем, схожих философских проблем, но это разное.

Что называется, дружба дружбой, а табачок врозь.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Не могу не сказать: блестяще!

Продолжим.

Пожалуйста, Михаил Федорович Черныш, член Академии наук, руководитель Социологического центра РАН.

ЧЕРНЫШ М.Ф.

чл.-корр., д. социол. н., проф., директор Федерального
исследовательского социологического центра РАН

Уважаемые коллеги, спасибо за доклады.

Было очень интересно, хотя, возможно, не хватило более подробного освещения ситуации в России.

Нам не избежать вопроса: что у нас происходит в сфере религии, мировоззрения, убеждений?

Надо сказать, что полного понимания текущей ситуации нет даже среди специалистов.

Возможно, есть смысл обсудить сферу сакральных верований в России более подробно.

Позвольте вернуться к некоторым пунктам докладов.

Выступающие не раз упоминали Дюркгейма.

Дюркгейм не был религиозным человеком, несмотря на то, что много писал о религии.

Говорят, у него был короткий католический опыт, но мимолетный.

Дюркгейм полагал, что необходима гражданская религия, то есть совокупность неоспариваемых убеждений, касающихся важнейших сфер жизни общества.

Правда в «Элементарных формах религиозной жизни» он говорит о некоем особом состоянии вскипания – состоянии, которого человек и сообщество достигают в момент участия в литургии, в богослужениях.

В этом случае Дюркгейм отдает должное тому явлению, которое именуется трансценденцией.

Это широкое понятие, которое широко используется в кантовской традиции.

Абрахам Маслоу называл гностический опыт, опыт трансценденции, одним из источников знаний для человека.

Вебер поставил вопрос о перверсивных эффектах религиозных верований.

Вернее, он напрямую это так не формулировал, но из его рассуждений это следовало.

Кальвинизм подразумевал идею предопределения, побуждавшую развивать предприимчивость в поисках спасения.

А результатом стало рождение капитализма, приведшего к становлению потребительского, в значительной степени гедонистического общества.

Гарегин Ашотович говорил о том, что зарождение авраамических религий привело к конфликтам и войнам на религиозной почве, в том числе и войн между христианами.

И это один из тех перверсивных эффектов, которые сопутствуют любой новации, любому развитию.

А теперь давайте отвлечемся от перверсивных эффектов, уделив внимание ожидаемым изменениям.

Зададимся вопросом: возможны ли были бы некоторые фундаментальные изменения в общественной жизни без высоких верований, без религии?

Возможна ли, к примеру, была бы идея равенства без авраамического ее освещения?

Возможна ли была бы этика освобождения, эмансипации, универсальных прав без религии?

Прежде чем люди осознали себя равными друг другу в профанном смысле, в государственном масштабе, в масштабе конкретных институтов, необходимо было осознать свое равенство перед Высшим Судьей.

Рассуждая на эту тему, Бадью определил апостола Павла как отца идей универсализма, идей равенства, которые впоследствии обрели светский смысл.

Давайте признаем, что идея братства имеет религиозное происхождение, первичное бытование среди единоверцев.

Религиозное целеполагание сыграло роль и в истории России.

Идея Третьего Рима как призвания страны, ее цивилизационное предназначение возникло как часть религиозного целеполагания, как искание спасения для народа, ищущего свой путь в сложном мире.

Что является основой целеполагания в настоящее время?

Какую роль играют в этом процессе религия, вера?
Это то, что мы должны исследовать.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Геннадий Петрович Аксёнов, пожалуйста.

АКСЁНОВ Г.П.

к. г. н., ведущий научный сотрудник отдела истории наук
о Земле Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН

Я хотел сказать о важнейшем событии в мировой истории – о папской революции конца XII – начала XIII века.

В ней таятся корни нашего Института Доверия, Достоинства и Права.

Право как общественный институт родилось именно тогда.

В 1085 году папа римский Григорий VII выступил с заявлением, что управлять людьми должна не светская власть, а Римско-католическая церковь, поскольку она строит царство Божье на земле.

До того светские власти в лице императора Священной Римской империи, королей и князей сами созывали церковные Соборы, назначали епископов на своей территории и даже самого папу.

Григорий VII провозгласил: «Король либо клирик, либо мирянин», – то есть он не имеет права вмешиваться в дела церкви.

Епископов должен назначать только папа.

И началась война, которая у нас в учебниках проходит как война пап и императоров.

А то, что это папская революция, имеющая всемирно-историческое значение, не создается.

Такого события нет в наших учебниках.

Почему?

Потому что это правовая революция.

У папы было единственное оружие в начавшейся войне – наука.

Собственно, право существовало еще в Риме, но только как процедура, еще не наука.

Теперь оно было освящено церковью.

Я об этом писал в статье «Главная тайна нашей исторической науки» в «Независимой газете».

Почему тайна?

Источником права, по учению папы римского Григория VII, является сам Господь.

Это значит, что права человеку даются по рождению, от Бога, но не от государства, не от светского правителя. Оно называется естественное право.

Появился университет, первым факультетом в нем стал юридический, затем богословский и медицинский.

Одновременно возникли все отрасли права: административное, уголовное, семейное, торговое.

Вместе с этим началась муниципальная революция, возникли тысячи городов.

И первыми, самими востребованными специалистами в них стали выпускники университета.

Они изменили, точнее, создали всю деловую жизнь, уже похожую на современную: с нотариатом, правильными договорами, накладными, с акциями и биржами.

Война закончилась в 1142 году Вормским конкордатом, то есть компромиссом между светской и церковной властями.

Епископа как главу церкви стал назначать папа, а как владельца земли — феодал.

Церковь обрела единство.

В результате все жители Европы как бы получили двойное гражданство.

Они умело пользовались противоречиями между властями для завоевания наибольшей свободы и развития городского самоуправления.

Об этом очень хорошо написал историк права Гарольд Берман, чьи работы в конце XX века были изданы в МГУ.

Европа двинулась по пути создания открытого общества.

Отсюда произошли все последующие революции.
А власть постепенно приобрела публичный характер.
Спасибо за внимание.

Тосунян Г.А.: Спасибо.
Лев Московкин, пожалуйста.

МОСКОВКИН Л.И.

специальный корреспондент газеты «Московская правда»

Да, спасибо.

У меня субъективное мнение, я могу ошибаться, может быть, со мной не согласятся.

По-моему, религия – это еще и предшественник государства.

У большевиков была своя вера, поэтому религию они воспринимали как конкурента.

По мере того как вера в коммунизм начала слабеть, постепенно сделали религию государственной идеологией, как протез государственной идеологии, которой уже просто не было.

Когда принимали закон о гимне, где присутствовало слово «Бог», очень многие депутаты были против.

Их всех буквально на коленке переломали, остался один Борис Кашин.

Он мне потом сказал, что следит за тем, что пишут журналисты, и кроме нашей газеты никто об этом не писал.

Мой дед был марксистом, это была его религия. И ритуал состоял в том, что, когда открыли памятник Марксу, он попросил его отвезти туда.

С бабушкой они познакомились в Швейцарии, именно в марксистском кружке.

Теперь что касается биоэтики.

Ею заменили советскую деонтологию не для того, чтобы что-то открывать, а наоборот, чтобы подавлять развитие.

И обсуждается на уровне чего-то сверхъестественного то, чего никогда не может быть, а может быть, и случится.

Вот чем можно на самом деле напугать маргинальный сегмент аудитории.

После вступительного слова Гарегина Ашотовича можно вообще было бы закрывать заседание, потому что все основные вопросы поставлены и тут же даны на них ответы.

Остался мой вопрос.

Дело в том, что теология в нынешнем виде именно в России – это не такая страшная вещь, хотя мне было очень приятно слышать про аксиоматику и догматику.

Просто есть вещи намного хуже.

После разрушения науки превратились в некое подобие теологии.

То есть они основаны на том, что эволюционист Юрий Викторович Чайковский называет презумпциями – фактически, это те же догмы.

С другой стороны, наука так и не смогла дать ответ на вопросы о биопоззе, происхождении жизни и предопределенности будущего (принцип номогенеза Берга или антропный принцип в синергетике Курдюмова).

Почему теология это не использует, хотя можно было бы?

Митрополит Иларион мне сказал, что да.

Никто другой вообще не понял, о чем речь.

Наш последний ведущий эволюционист-генетик, реформатор науки мирового уровня Тимофеев-Ресовский был верующим.

Под его влиянием австрийский физик-теоретик Шрёдингер написал большое эссе «Что такое жизнь?».

Там дан единственно возможный ответ.

Спасибо Вам большое за интересное обсуждение.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пойдем дальше. Андрей Летаров.

ЛЕТАРОВ А.В.

д. б. н.

Спасибо.

Хотел бы сделать общий комментарий по поводу самой структуры всего сегодняшнего обсуждения.

Я – профессиональный микробиолог. Занимаясь каждый день естественными науками, очень хорошо натренировал свой ум явочным порядком ощущать некую границу науки и ненауки.

Я прекрасно понимаю, что наука – это очень ограниченный метод.

И благодаря своей ограниченности и ригидности она как раз способна строить самоопирающуюся конструкцию почти неограниченного размера.

При этом наука как таковая, в отличие от каких-то готовых ее решений, практически непригодна для практики – для принятия, например, управленческих или личных решений.

Есть целый спектр разных явлений, которые наука не исследует принципиально, но это не значит, что этих явлений не существует.

И по этой причине другие способы восприятия мира, в том числе те, которые называют иррациональными, не могут быть исключены, с моей точки зрения, никогда.

Очень часто используемый прием – это так называемое синкретическое мышление.

При этом человек, независимо от того, рационален он или нерационален, ученый он или священник, может, размышляя о чем-то в данный конкретный момент, действовать в пределах определенной парадигмы.

Так, например, однажды я просто из интереса прослушал в записи курс лекций известного мастера Таро.

Мне показалась довольно интересной эта система.

Вы просто выкладываете карты и, оперируя в пределах достаточно специфической логики, можете посмотреть на какую-то жизненную ситуацию с неожиданной для себя стороны.

Но в момент осуществления этой операции, естественно, мы вынуждены думать в рамках некоей мифологии Таро.

На мой взгляд, это совершенно нормально.

И религия в этом пространстве рационального и иррационального знания вовсе не является общим организатором всего иррационального.

Религия, как мне кажется, скорее, наоборот, стремится определенным образом ограничить наши инструменты иррационального мышления.

Не важно, хорошо это или плохо, но, с моей точки зрения, это нужно четко осознавать.

Спасибо большое.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Послушаем Сергеева Петра Владимировича. Потом — слово математикам.

к. ю. н. СЕРГЕЕВ П.В. – акад. ТОСУНЯН Г.А.

Сергеев П.В.: Большое спасибо.

Хотел поделиться своим небольшим опытом в сфере теологии.

Так получилось, что я защищал магистерскую диссертацию по теологии спустя 8 месяцев после защиты кандидатской диссертации по юриспруденции.

Когда я готовился к защите диссертации по теологии, я столкнулся с большой сложностью. Пришлось как-то переключать свое сознание, мышление.

Такие критерии, как верифицируемость, объективность, особенно в конфессиональной теологии, даже если мы рассматриваем ее в контексте исторических исследований, неожиданно для меня после защиты диссертации по уже достаточно устоявшейся научной дисциплине просто отходили на второй план.

Как раз в это время мне повстречалась книга А.Н. Дударева с интересным названием – «Экспериментальная теология».

И я сразу задумался: как это – теология и эксперимент?

Оказалось, что вся книга в основном построена на понимании эксперимента как личного духовного опыта, внутренних переживаний.

Это с трудом соотносилось с тем, чем я занимался все предыдущие годы.

Тосунян Г.А.: Не встречали книгу «Квантовая теология»?

Сергеев П.В.: Нет, к сожалению, не встречал.

Тосунян Г.А.: Шутка. Продолжайте, пожалуйста.

Сергеев П.В.: В принципе, теология мне понравилась.

Она очень интересная, даже в некоторых моментах захватывающая.

Она помогает и в юридических исследованиях, потому что многими правовыми институтами, принципами мы обязаны именно религии.

Даже основополагающий принцип частного права – «договоры должны соблюдаться» – был разработан изначально средневековыми канонистами и на основе Послания Иакова.

Но каждый раз, когда я переключаюсь с работы по юриспруденции на работу по теологии, я понимаю, что это совершенно разные вещи.

И не то чтобы это совершенно разные науки, это по сути своей что-то совершенно другое.

Несмотря на то, что я теолог по образованию, на мой взгляд, теология все-таки должна была существовать в рамках конкретных религиозных институтов, как она существовала до этого.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Академик Нигматулин Роберт Искандрович, пожалуйста.

акад. НИГМАТУЛИН Р.И. – акад. ТОСУНЯН Г.А.

НИГМАТУЛИН Р.И.

акад. РАН, д. ф.-м. н., научный руководитель Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН

Нигматулин Р.И.: Спасибо.

Сергей Петрович Капица сказал про себя, что он православный атеист.

Тогда в ответ на это я про себя сказал, что я нерелигиозный мусульманин.

Для меня религия – это размышление о том, что неизмеряемо, недоказуемо и неопровергаемо.

Поэтому эти рассуждения будут вечно.

Напомню, как у нас менялось отношение к религии.

В 1975 году на партийной конференции Московского университета прозвучало, а потом неоднократно повторялось, что один член партии похоронил своего отца по религиозному еврейскому обряду.

Его за это исключили из партии и, конечно, испортили ему карьеру.

Это было страшное безобразие.

Сейчас, по-моему, в нашем обществе по отношению к религии все более-менее гармонично.

И религия, и религиоведение как размышления о религии, и вообще размышления о вечном и потустороннем мире будут всегда.

Но они всегда будут ненаучными, недоказуемыми, это только вопрос веры.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Роберт Искандрович.

Знаете, мои родители, оба будучи членами партии, крестили меня открыто в пятнадцатилетнем возрасте в Эчмиадзине – центре армянской религии, расположенном в 14 километрах от Еревана.

Армения, конечно, далеко, но все-таки это был 1970 год. Они, ни от кого не скрываясь, провели этот обряд. И их не исключили за это из партии.

Пожалуйста, Роберт Искандрович, продолжайте.

Нигматулин Р.И.: Гарегин Ашотович, кстати, я был на той партийной конференции.

И всегда поражался решению, потому что он же не себя похоронил, а папу.

А папа мог его попросить об этом.

Тосунян Г.А.: Может, Папа был тоже членом партии, и может, он этим обрядом хотел похоронить свою партийную принадлежность.

Хорошо.

Смолин Владимир Сергеевич, научный сотрудник Института прикладной математики РАН, пожалуйста.

СМОЛИН В.С.

научный сотрудник Института прикладной математики
им. М.В. Келдыша РАН

Смолин В.С.: Хочу поблагодарить всех докладчиков.

К сожалению, я буду выступать таким «анф́ан терри́бль», хотя я уже далеко не молод.

Полагаю, что наше обсуждение не совсем верно направлено, потому что мы все время вспоминали, что было в 70–80-х годах или даже у древних греков.

И Кант, опять же, играл в обсуждении очень важную роль.

Но есть современный мир, и в нем тоже что-то происходит.

Более того, я надеюсь, у нас будет какое-то будущее, хотя многие политики стремятся к тому, чтобы его не было.

Здесь столько говорили, что о религии будут выступать математики.

Да, я как бы некрещеный и при этом никогда не был членом партии, хотя комсомольцем успел побыть.

Но отношу себя к математикам.

В отличие от сторонников религии, которые говорят о том, что догмы – это не аксиомы, я все-таки склонен считать, что наше общество хотя очень гетерогенно устроено, но все явления в нем взаимосвязаны.

И наука связана с религией, и религия связана с наукой.

Религиоведы, наверное, могут назвать всем сторонникам того, что догмы вечны и нерушимы, дату, когда эти догмы появились, когда они сменили другие догмы.

И в чем тут отличие от аксиом, мне как математику не очень понятно.

Кроме того, все или большинство предыдущих высказываний строились на том, что такое религия, для чего она.

Она для добра, для того, чтобы мы были моральны, нравственны.

В принципе, и государство тоже для добра, для граждан, чтобы не было беззакония.

И банки, они же заботятся о клиентах, все это знают.

Но есть и другая сторона.

Банки не забывают о том, чтобы у них была какая-никакая прибыль.

Государство тоже следит за тем, чтобы власть не менялась каждый день...

Тосунян Г.А.: Извините, Владимир Сергеевич. Все-таки Вы затронули особую для меня тему. Банки не утверждают, что заботятся о клиентах.

Смолин В.С.: Как не утверждают?!
Все банки заботятся о клиентах.

Тосунян Г.А.: Банки заботятся о прибыли. А для того, чтобы зарабатывать свою прибыль, они должны заботиться о клиентах.

Смолин В.С.: Вот и я про это же, что с точки зрения математики причины и следствия устанавливаются людьми. Вы установили так, а кто-то устанавливает наоборот.

С точки зрения математики есть только корреляция между событиями.

Соответственно, так же, как меняются общественный строй или банковская структура, меняются и религии.

Если религия удовлетворяет общество, она продолжает развиваться, и общество продолжает развиваться, и власть, которая в этом обществе существует, продолжает развиваться.

Нас поджидают новые религии.

Когда-то и христианство появилось, поскольку в обществе была некоторая неудовлетворенность.

Думаю, что и в дальнейшем такой же процесс сохранится: какие-то религии останутся, какие-то сменятся другими.

Конечно, в современном обществе есть много интересных тенденций.

Важной характеристикой современной эпохи является появление искусственного интеллекта.

Это сильно меняет позицию религии, поскольку утверждалось, что сознание может объяснить только религия.

Соответственно, вечность бытия и прочие подобные проблемы, они чисто религиозные.

Конструкторы искусственного интеллекта убеждают нас, что он будет обладать сознанием.

Если раньше полет птицы был проявлением Божьей воли, то сейчас вряд ли кто-то свяжет это с божественным проявлением.

То же самое, видимо, в ближайшее время произойдет и в отношении сознания.

Поэтому определенные изменения в представлениях о религии тоже произойдут. Опасность искусственного интеллекта состоит не только в том, что он нас захватит.

А в том, что властные структуры будут использовать его так же, как они сейчас используют церковь, для контроля над массами. В этом можно не сомневаться.

Хотя пропаганда в целом сейчас выигрывает у религии по степени воздействия на массы, но религия тоже участвует в этом процессе.

Искусственный интеллект уже и сейчас используется активно.

В дальнейшем, с его развитием, влияние ИИ будет только усиливаться.

Раньше власти ссылались на Божью волю: церковь наши действия одобряет – значит, они правильные.

Подобная ссылка будет и на искусственный интеллект. И если он подтверждает правильность действий власти, то, соответственно, какие могут сомнения?

У людей же нет таких сверхсерверов в голове, которые подтвердили бы правильность решений.

И о сверхъестественном и священном.

Вопрос: являются ли эти суперсерверы, которые осуществляют расчеты искусственного интеллекта, сверхъестественными?

С точки зрения многих граждан, безусловно, являются.

То есть это что-то совершенно невообразимое, позволяющее решать проблемы, которые другими методами не решаются.

Хотел бы обратить внимание, что наша жизнь меняется, общество и религия взаимосвязаны.

И когда говорят о том, что в математике все действительно строго и не подвержено влияниям какой-то политики или религии, это не так.

Вроде бы все знают, что $2 \times 2 = 4$, но в реальной жизни это не всегда так.

Выясняется, что если мы продаем, то не совсем 4, а немножко побольше.

А если покупаем, то хотелось бы, чтобы было все-таки поменьше, чем 4.

И это относится ко всем прикладным проблемам, которые решаются математикой.

На самом деле догмы религии мало отличаются от аксиом, они тоже связаны с тем, как развивается общество, какие у него запросы.

Рассматривать религию отдельно от общества нельзя.

И сверхъестественное, та же гомеопатия и карты Таро, они тоже отражают какие-то запросы.

Хотелось бы, чтобы эта взаимосвязь не терялась.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Рубен Маркарян, пожалуйста.

МАРКАРЯН Р.В.

к. ю. н., член адвокатских палат Москвы и Берлина,
заместитель президента Гильдии российских адвокатов

Спасибо.

Боюсь вызвать на себя вал критики, потому что я выскажусь нестандартно.

Прозвучал тезис о ритуализации как существенном или несущественном признаке религии.

Считаю, что это даже не признак, это причина.

И обосную я это Аристотелем.

Аристотель на моей стороне.

Его теория из «Метафизики» о четырех причинах существования всего – явления или объекта материального мира – включает, видимо, в том числе и религию.

Там выделяются материальная, формальная, действенная и финальная причины.

Так вот, формальная причина как раз и есть этот самый ритуал.

Нет ритуала – не будет никакой религии, как бы мы ее ни называли, во что бы мы ни верили.

В качестве примера.

1933 год – Гитлер вместе с Гиммлером создает новую религию.

Действующую религию немножко ущемляет, отправляет священников в концлагеря, создается новый Орден.

Исследуются исторические аспекты, придумываются новые божества.

И самое главное, что происходит формализация.

Ритуалы, факельные шествия, форма, кресты – все это очень красиво, над этим работает целая армия историков и искусствоведов.

Существовала такая организация немецкой молодежи, как Гитлерюгенд.

Помимо нее было много и других молодежных организаций: бойскауты, отделение христианской молодежи и прочие.

Что сделало министерство Геббельса?

Оно не запретило молодежные организации, а запретило ритуализацию: ношение формы бойскаутам, пение псалмов и так далее.

Можно было собираться где угодно, обсуждать что угодно, но форма и знаки различия были разрешены только Гитлерюгенду.

В итоге другие организации сами по себе «вымерли» на территории Третьего рейха, ибо без формы и ритуалов для молодежи эти организации стали непривлекательны.

На сегодняшний день форма существования этой религии сохранилась даже в отсутствие божества: не важно, кто у них потом будет придуман Богом.

Вчера это были Гитлер и древние арии, позавчера – Бандера, послезавтра это будет кто-то еще.

Главное, что именно под эту форму появляется божество.

Поэтому я считаю, что формальный признак существования религии – это как раз и есть причина.

Позволю себе вспомнить и процитировать Мовсеса Хоренаци – «История Армении», V век н. э.

В Матенадаране, музее-институте древних рукописей, есть этот труд с сохранившейся перепиской между римским императором Тиберием и правителем Эдессы Абгаром.

Царь Абгар пишет, что «надо бы всему свету написать, чтобы они поклонялись Христу как истинному Богу».

Тиберий отвечает: «Я уверен, что Пилат досконально рассказал о его знамениях, как и о том, что после

воскресения из мертвых многие убедились, что он Бог. Возможно, я пожелаю сделать то же, что ты замыслил.

Однако у римлян было в обычае не ограничиваться одним только царским указом при учреждении нового божества, но прежде подвергать его испытанию и рассмотрению со стороны Сената.

Император может внести предложение в Сенат, но Сенат может принять, а может отклонить его.

Наверное, все, кому угоден Иисус, могут сами включить его в сонм богов.

Император может лишь пригрозить смертью тем, кто станет злословить о христианах.

Что же до иудейского народа, который дерзнул распять того, который, мы слышали, был достоин не креста и смерти, но почести и поклонения, то я уверен, как только я освобожусь от войны с восставшими против Рима испанцами, я расследую это дело и воздам должное».

Абгар отвечает Тиберию: «Не во гнев великому императору будет сказано. Неужели божество должно учреждаться посредством людских толков?»

Получается, что если Бог не будет угоден человеку, то он и не может быть Богом, и человеку якобы следует заступаться за Бога».

Это вот к теме нашего сегодняшнего обсуждения.

Мы ведь говорим о том, что такое религия, потому я утверждаю, что формальное ее воплощение – это не признак, а причина ее существования, соглашаясь с Аристотелем.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Алексей Саватюгин, пожалуйста.

САВАТЮГИН А.Л.

профессор Банковского института
НИУ «Высшая школа экономики»

Саватюгин А.Л.: Спасибо.

Два коротких ответа на заданные не мне вопросы. И один короткий вопрос уважаемым докладчиком.

Первый ответ – на вопрос Карена Хачиковича, который предложил демаркацию: по вере в сверхъестественное или в чудо определять религию и нерелигию.

Соответственно, куда относится марксизм-ленинизм?

Естественно, это религия в Вашем понимании.

Что может быть более сверхъестественной сущностью, чем научный коммунизм? И что не есть вера в чудо, как вера в победу мирового пролетариата?

Момджян К.Х.: Еще должно быть научно доказуемое...

Саватюгин А.Л.: Спустя полтора века после Маркса мы это точно знаем.

И ответ на вопрос уважаемого Павла Алексеевича о том, может ли существовать религия без ритуалов.

По-моему, нет, потому что ритуал важен, если религия – это общественное явление.

А докладчики говорили именно об этом.

Для общественного явления, которое объединяет людей определенной веры, важно, как они будут отличать «свой – чужой».

Это именно система определения «своего» и «чужого».

Ты не можешь залезть в голову соседу: верит он или не верит, и правильно ли он верит.

Но ты можешь оценить его внешний вид и соответствие ритуалам: правильно он себя ведет или неправильно.

Соответственно, религия предполагает иногда очень странные ритуалы. Но странные именно потому, что если ты их соблюдаешь, значит, ты наш человек.

В книге Левит (третьей книге Торы) описаны странные ритуалы и запреты, никак рационально не объясняемые.

Например, почему нельзя брить бороду или мешать мясное с молочным...

Но тем не менее соблюдение ритуалов позволяет отделить сынов израилевых от чужих сынов.

Хотел бы задать вопрос, если позволите, интимного характера.

Не знаю, кто возьмется на него ответить.

Гарегин Ашотович в своем вступительном слове приводил примеры ученых, преимущественно из сферы естественных наук, которые пришли к Богу или даже не уходили от Него.

Их религиозность никак не мешала им совершать серьезные открытия в естественной сфере.

У меня обратный вопрос.

Мой знакомый – довольно известный религиовед, обладатель научных степеней, автор ряда довольно известных работ на эту тему. В личной беседе, когда речь зашла об отношении к Богу, он ответил мне следующее.

«Алексей, любой серьезный религиовед, когда он достаточно долго занимается религией, особенно сравнительным изучением разных религий, рано или поздно становится атеистом».

Как Вы относитесь к этому заявлению? Подтвердите или опровергните слова Вашего коллеги.

Хотя, конечно, бывают религии и без Бога, какой-нибудь условный итсизм.

Это когда не персонифицированно веришь в Бога, не в Иисуса, не в Ахурамазду, а в то, что есть где-то на небесах какая-то сила... Наверное, эта сила всеми нами управляет, но я не могу сформулировать, что это такое.

Это тоже форма религии, и она не особо ритуализирована.

Тосунян Г.А.: Коллеги, в своем заключительном слове можете ответить на вопрос Алексея в той степени, в какой считаете возможным и нужным.

И на мой вопрос об отличии веры и религии, если сочтете возможным, тоже ответьте, пожалуйста.

Напоминаю, что заключительное слово – это не второй доклад, поэтому оно должно быть в разумных границах.

Пожалуйста, начнем с Вас, Иван Павлович.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

ДАВЫДОВ И.П.

д. филос. н.

Уважаемые коллеги, если позволите, отвечу на вопросы, заданные мне в чате.

1. Первая реплика – от **Владимира Сергеевича Кржевова**, философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова: *«Как проверяется обеспечение загробного благополучия?»*

Разумеется, никак не проверяется.

Кант – пиетист по своему убеждению, поэтому он рассуждает так: если Бог есть, то ему не за что будет наказывать высокоморального человека. А если Бога нет (так случится, что умрем, а там – никого), то и в этом случае мы в выигрыше, потому что в памяти потомков мы останемся образцом для подражания.

Вот и все.

Так что очень важно понимать, что для Канта религия и мораль смыкаются до неразличения.

Кант – лютеранин, но при этом пиетист.

Владимир Сергеевич продолжает свои рассуждения так: *«Отрицание права на ошибку не позволяет применять критерии фальсифицируемости?»*

Не очень понял, в каком контексте Владимир Сергеевич это говорит. Но действительно, Кант подчеркивает, что и философы, и, как ни парадоксально, естествоиспытатели имеют право на ошибку.

А вот юристы и теологи в публичном пространстве права на ошибку не имеют.

Все достаточно просто, потому что, например, судьи могут из-за судебной ошибки отправить невиновного на смертную казнь.

2. **Татьяна Павловна Белова**, Ивановский государственный университет, уточняет: *«Первая кафедра социологии была создана Альбионом Смоллом в 1892 году в Чикагском университете. Дюркгейм возглавил кафедру социальных наук в Бордоском университете в 1896 году».*

Это действительно так.

Но я говорил о Дюркгейме именно как о представителе французской социологии. И первая французская кафедра – это дюркгеймовская кафедра 1896 года.

3. По поводу связи истинности джедаизма и возможности продемонстрировать навыки обращения со световым мечом.

Насколько это все истинно, если подобные требования предъявлять и к христианству?

Например, заставлять христиан ходить по морю «аки посуху».

Дело в том, что христиане не предполагают себя равными Христу. Они Ему поклоняются, но не собираются ходить по морю «аки посуху».

Хотя это тоже возможно, если море будет покрыто льдом, как Северный Ледовитый океан.

4. Дальше – сбываемость пророчеств в экстатической каббале.

Экстатическая каббала – это все-таки плоть от плоти иудаизма, который восходит к некоему авраамическому общему ядру.

Сбываемость пророчеств в экстатической каббале примерно такая же, как сбываемость пророчеств и в иудаизме: пророк за отсутствием царя выполнял функцию помазанника, то есть он был одновременно судьей и вождем.

При отсутствии государства были вожества, соответственно, он был вождем народа и пророком.

И сбываемость пророчеств оценивалась народом ровно настолько, насколько он мог убедить в своей правоте идущую за ним паству.

Если паства за ним шла, он как лидер состоялся.

5. Алла Алексеевна Шептун, независимый исследователь, спрашивает: *«Можно ли считать, что человек верующий психологически больше защищен в трудных жизненных ситуациях, легче переносит разные невзгоды и стрессы, более спокоен и выдержан? Так ли это в действительности?»*

Не думаю, что неверующий человек защищен меньше.

На мой взгляд, здесь очень важна опытность.

Если тебе религия обеспечивает спокойствие – один разговор, если опыт – другой...

6. *«Как происходит спасение души? Через обращение к Богу как внешней силе и упование на его милость или через самоанализ, контроль своего поведения и включение внутренних сил самоочищения?»*

Не знаю.

Предлагают самоанализ, контроль своего поведения, включение внутренних сил самоочищения – наверное, да.

Но этот вопрос лучше адресовать теологам, а не религиоведам.

7. *«Можно ли раскрыть взаимосвязь религии и экономики? Немецкий социолог Макс Вебер показал роль протестантской этики в развитии “духа капитализма”. Что можно сказать о роли православной этики в формировании “экономического человека” и развития капитализма в России?»*

Конечно. Сергей Николаевич Булгаков написал двухтомную диссертацию в Германии про связь русского аграрного капитализма с православием.

8. Алла Алексеевна Шептун задает еще вопрос: *«Ссудное дело исторически началось с ростовщичества, в том числе с ссудных операций в храмах. Каково объяснение этой коммерческой деятельности церкви с точки зрения христианской этики (православной), если давать деньги в рост признавалось грехом?»*

Видите ли, с точки зрения юриста, ссуда – это всегда временная безвозмездная передача индивидуально определенной вещи.

И ни в коем случае не денег, потому что деньги обладают родовыми признаками, не индивидуально определенными.

Поэтому ростовщичество предполагает ни в коем случае не ссуду, а кредитование.

Причем если это ростовщичество, то под процент.

Признавалось ли грехом давать деньги в рост?

Нет, не признавалось.

Там работала достаточно хитрая система: если даешь займы единоверцу, то лучше с нулевой ставкой кредита, если иноверцу – можно с ненулевой ставкой.

9. Петр Владимирович Сергеев, Смоленский государственный университет, спрашивает: *«Прекратит ли существование католицизм как религия, если Римско-католическая церковь внезапно отменит все ритуалы, оставив лишь организацию и идеологию?»*

Колоссальная институция в виде града-государства Ватикан продолжит существовать, даже если Второй Ватиканский или какой-нибудь еще собор полностью реформирует ритуальную составляющую.

Католицизм будет достаточно распространен. Сейчас верующих католиков в мире свыше 1,4 млрд человек.

10. Теперь два вопроса по поводу веры. Это вопросы от **Гарегина Ашотовича Тосуняна**.

Я начал с того, что Дюркгейм считает: религия – это солидарная система именно верований и практик, они идут рука об руку, условно говоря, миф и ритуал.

Причем я проводил функциональный анализ не только религии, но и мифа.

У мифа насчитывается всего 12 функций, а у ритуала, как ни парадоксально, 36 функций.

И поскольку мифоритуальные конгломераты предшествуют религии, а не следуют за ней, религия наследует примерно половину от функций мифоритуального комплекса (24 из 48).

Поэтому мифологическое и магическое сознание предшествуют и философскому, и религиозному.

Я мог бы назвать в подтверждение своих слов многих авторов, у меня просто нет на это времени.

Вынужден просить Вас поверить мне на слово, потому что я занимаюсь функциональным анализом последние 16 лет⁸.

11. Был еще один вопрос: *«Как религиоведы позиционируют себя?»*

Дело в том, что форм свободомыслия очень много. Атеизм – это одна из крайних активных форм.

Есть, например, религиозный индифферентизм, то есть равнодушное отношение к религии.

Скажем, одного интересует вопрос: есть ли жизнь на Марсе, или нет жизни на Марсе?

А другого это не беспокоит, зато он волнуется: религия – это правда или неправда?

Но мы просто принимаем религию как данность.

⁸ См. подробнее: Давыдов И.П. Храм и ритуал: социальные функции священного. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 453 с.

На мой взгляд, религиовед или исповедует религиоведение как религию (как Паганель свою натурфилософию), то есть *религия религиоведа – это религиоведение*, или же он просто религиозно-индифферентно относится к разным формам.

Относится очень доброжелательно, ни в коем случае не пытаюсь поссорить верующих людей между собой, даже если он проводит сопоставительный или сравнительный анализ.

12. Может ли быть религиовед сугубо светским или, наоборот, воцерковленным человеком? Это личное дело абсолютно каждого.

Давайте сравним это, например, с юриспруденцией.

Судья, будучи верующим или не будучи таковым, не может выносить приговор, исходя из личной, субъективной, этической, религиозной оценки.

Он может использовать только тот инструментарий, который ему дан законом и юриспруденцией как наукой.

Юриспруденция – наука.

Думаю, со мной почти все согласятся.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, следующее заключительное слово Вам, Николай Витальевич.

ШАБУРОВ Н.В.

к. культурологии, проф.

Поскольку я никаких вопросов не получал, коснусь только одного аспекта, о чем уже говорил Иван Павлович.

Речь – о религиоведении и религиозной вере, религиоведении и атеизме, а также о том, какова должна быть позиция религиоведа.

Здесь многое связано с некоторой конкретикой, в том числе конкретикой российской, даже иногда с какими-то институциональными моментами.

Например, в огромном количестве советских вузов была кафедра научного атеизма.

Где-то после 1990 года большинство этих кафедр были переименованы в кафедры религиоведения.

То есть мы видим такую институциональную преемственность.

Может ли это не сопровождаться какой-то мировоззренческой преемственностью, сказать трудно.

Мне известны примеры, когда человек возглавлял такую кафедру в 70–80-е годы, а в 90-е стал говорить о приоритете православия.

Иногда приходится сталкиваться, например, и с такой позицией.

Слышал от людей конфессиональных, что, говоря об объективности и научности, мы морочим людям голову.

Не может быть объективного подхода к религии, потому что все люди должны как-то определяться.

Либо они верующие, причем конкретно – православные, католики, мусульмане и так далее, либо они неверующие.

Те, кто это пытается не обозначать, на самом деле являются атеистами.

Такая точка зрения есть, и там определенная проблема.

Многие считают, что необходим так называемый методологический атеизм.

Когда мы стоим на научной позиции, мы должны исключать какие-то сверхъестественные моменты в объяснении и исторических фактов, связанных с религией, и основ вероучения.

Это относится и к религиоведению.

Высказывается и такая претензия.

Религия – это такая сфера, в которой каждый является ангажированным: он либо атеист, либо православный, либо кто-то еще.

Замечу на это, что историческая наука не менее ангажирована.

Среди историков мы знаем консерваторов, либералов, коммунистов, монархистов и так далее.

Есть некоторые критерии, по которым всегда можно отличить человека науки от просто поверхностного пропагандиста. Для историографии это очевидно.

Мне кажется, что в деле изучения религии примерно такая же ситуация.

Часто можно услышать, что объективность и даже научность – это миф, это то, что никогда недостижимо.

Могу с этим согласиться, но, знаете, надо к этому стремиться.

Одно дело, когда мы открыто выкидываем за борт любую объективность и научность и говорим о том, что мы будем отстаивать свое мировоззрение.

Другое – когда мы будем стремиться к объективности, прекрасно понимая, что, наверное, у нас у всех существуют какие-то границы.

Конечно, религиоведом, который стоит на научной позиции, может быть и атеист, и агностик, и человек, принадлежащий к той или иной конфессии.

Но он должен осознавать, что в данном случае необходимо исходить из определенных научных критериев.

Более того, зададимся таким вопросом: а может ли человек одновременно быть религиоведом и теологом?

Я считаю, что да, тоже может.

Но он каждый раз должен отдавать себе отчет, в качестве кого он в данный момент выступает.

И это должно быть ясно его слушателям и читателям. Тут никакой синтез невозможен: или – или.

Хотя у одного человека это может сочетаться.

Я в значительной степени практик, занимаюсь преподаванием дисциплин, связанных с религиоведением, уже более 35 лет. И как-то, знаете, получается оставаться на такой позиции, и более того, передавать это студентам.

Притом что студенты тоже совершенно разные по своему мировоззрению.

По поводу того, как понимать индифферентность.

Конечно, надо быть заинтересованным, надо любить свой предмет, хотя совершенно необязательно придерживаться определенных взглядов.

Это тоже важно, потому что это особенность религиоведения как в значительной степени гуманитарной дисциплины, несмотря на различные когнитивистские исследования.

Если речь идет о современности, то, безусловно, мы имеем дело с живыми людьми – верующими.

Если речь идет об истории, это тоже история людей, и это очень важно.

У одного религиоведа очень допытывались, верует он или нет и к какой конфессии принадлежит.

Но он ответил, что его конфессия – это религиоведение.

Тоже вполне возможный ответ.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, Кирилл Витальевич.

КАРПОВ К.В.

к. филос. н.

Спасибо.

Мне пришел похожий список вопросов, как и Ивану Павловичу.

Затрону один, по поводу протестантской этики и духа капитализма.

Сам Вебер пишет про то, что надо установить эту связь. Как было дело: появился капитализм, капиталистические отношения, и из них развился особый тип религиозности, протестантизм, или все было наоборот?

Ответ вполне очевиден: сначала родились определенные отношения.

Они вызвали определенный тип религиозных представлений, которые уже поддерживали эти отношения.

То есть они были адекватны этим отношениям.

А изначально появился, конечно, капитализм, а не протестантизм.

И поэтому все призывы о необходимости принять правильную религию, и тогда будет людям хорошо, по сути, аморальны.

Что касается вопроса о верованиях.

Имеется в виду, очевидно, религиозная вера, которая выражается в убеждениях.

Про убеждения, по поводу их возможной рациональности и иррациональности, я уже говорил.

Может ли быть религиовед верующим человеком?

Любой ученый, когда он выполняет свою функцию – к примеру, работает как религиовед, – принимает на себя

некоторые обязательства, которые выражаются в убеждениях, например, об исключении трансцендентного.

Поэтому работа – это одно, а личные убеждения – это уже совершенно другое.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Абдусалам Абдулкеримович, очень хотели бы услышать Ваше мнение обо всем сказанном.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ГУСЕЙНОВ А.А.

акад. РАН, д. филос. н., научный руководитель
Института философии РАН

Спасибо, Гарегин Ашотович.

Уважаемые коллеги!

По традиции, прежде всего большая благодарность нашим докладчикам за высокий уровень докладов.

И самое главное, что они позволили о таком своеобразном предмете, как религия, вести разговор в рамках нашего научного семинара.

Было сказано, что существует много определений религии, говорилось о тысяче определений.

Это разные определения того, что такое религия.

А что же это за предмет, по поводу которого существуют все эти определения?

Где сам этот предмет?

В этом и особенность, мне кажется, религиоведения, что в этих определениях теряется предмет или, говоря по-другому, эти определения сами обозначают тот предмет, о котором они говорят.

И мне кажется, сама эта ситуация обозначает место религии в нашем интеллектуальном пространстве, именно по отношению к знаниям, по отношению к науке.

То есть это нечто такое, что находится рядом.

Может быть, понятие веры именно это (то есть то, что находится за пределами знания) как раз точнее всего и обозначает.

Я бы обратил внимание на то, что наши докладчики как-то акцентировали, подчеркивали пределы своей компетенции.

Они старались быть строгими тогда, когда говорили о предмете, который они обозначили как тему докладов.

И это, конечно, говорит об их научной добросовестности.

Но мне кажется, это говорит еще и об их осторожности и высокой ответственности.

Они понимают, что имеют дело с опасным предметом, который требует особой деликатности.

И я думаю, это не случайно.

У нас состоялся большой интересный разговор о том, что такое религия.

А вопрос о месте религии в обществе, мне кажется, не был фокусом нашего обсуждения.

Эта тысяча определений, или пусть даже пятьдесят-сто из них, в той или иной форме являются обозначением реальных религиозных общин, которые существуют в мире.

И эти религиозные общины собираются в нашем публичном пространстве.

В нашем обществе есть четыре легальные (законодательно признанные, публично действующие) религии и еще много других, статус которых не определен.

Возникает вопрос, как они взаимодействуют в рамках общества, какова их роль в моральном, политическом, государственном плане.

А это, между прочим, вопрос не случайный!

Правильно говорил Кирилл Витальевич, что религия всегда охватывает мир или, по крайней мере, отношения людей в целостности.

Конечно, каждая религиозная община имеет свою конфессию, свои ритуалы, и абсолютно правы те, кто говорит, что оторвать одно от другого невозможно.

Более того, ритуалы и являются специфическим признаком, обозначающим эту конфессию.

У каждой религии есть свое пространство.

Но поскольку каждая религия – это в то же время мировоззрение, и у нее есть, и обязательно и должна быть, претензия на целостность, она стремится свой взгляд, свое понимание распространить на все общество.

Она ведь не довольствуется тем, что это моя группа и мы будем в своей группе культивировать свой быт, свои нравы и так далее.

Нет.

Она их считает истинными, она их распространяет на все общество.

И тут возникает проблема взаимоотношений.

Например, я обратил внимание вот на что.

Православная вера, как она культивируется в Москве, Санкт-Петербурге, в такой традиционной русской среде, исходит из предпосылки, что все наши граждане являются православными, и только именно в этом аспекте ведет свою политику.

И ничуть в этом не сомневается.

Точно так же ведет себя мусульманская конфессия, если можно говорить о конфессии применительно к исламу в мусульманской среде, в мусульманских республиках.

Они исходят из того, что все граждане являются мусульманами и мусульманство их объединяет.

А мы все – граждане России.

Именно наше политическое бытие, права и обязанности по отношению к государству – вот основа нашего

единства, по отношению к которому разные религиозные воззрения являются вторичными.

Согласен с теми коллегами, которые говорили, что, конечно, религия выражает какую-то очень важную потребность человеческого существования.

Если хотите, она выражает очень важный аспект нашего понимания мира и самого существования мира.

Скажем, элементарная вещь: разве можем мы помыслить себе нашу жизнь – даже в современных, очень четко организованных, урегулированных ее формах – без случайности?

Физики, химики, математики и так далее описывают нам существование мира, но разве они сами допускают, что в мире мы можем исключить случайность?

Нет, наличие случайности и невозможность ее исключения если не предполагается, то вполне допускается научным взглядом на мир.

А если так, то у человека должен быть ответ на то, что его подстерегают случайности, и мы не знаем, где и как.

И в этом смысле это какая-то потребность, которая находит выражение в той или иной конфессии.

Она должна при этом находить еще и некое общее выражение, которое объединяет нас как граждан нашего государства в целом.

Отсюда неслучайны эти ритуальные гимны, праздники и тому подобные вещи.

И когда проводятся аналогии с конфессиями, религиозным опытом и с нашей практической повседневностью, способом существования современных обществ, эти аналогии совсем не пустые.

Мне кажется, что один из стоящих перед нами ключевых вопросов – отрегулировать гармоничное существование разных конфессий в нашем обществе.

Чтобы они не только уравнивали или каким-то образом оставляли пространство для других, не довели до каких-то резких конфликтов.

Важно, чтобы одновременно они оставляли для людей возможности разных форм свободомыслия – атеизма или каких-то других.

Это исключительно важный вопрос, действительно государственный и политический.

Я бы повторил вопрос, который задавал профессор Калашников, о различии религии как индивидуального мировоззрения и религии как конфессии.

Это не надуманный вопрос.

В России это различие вообще не только вопрос точных дефиниций, оно представлено также как культурное явление.

Например, официальная православная конфессия и Лев Толстой как глубоко верующий христианин.

У него было свое внутреннее отношение, была связь с Богом.

И он, конечно, никогда не сомневался в существовании Бога. На этом держалось все его мировоззрение.

И тем не менее он, человек, который понимал религию и христианство именно в их этическом, моральном измерении, оказался непригодным для официального православия.

И даже какое-то время назад потомки Льва Николаевича обратились к патриарху с тем, чтобы снять эту вражду и как бы дезавуировать то практическое отлучение от церкви, которое было осуществлено в начале XX века.

А патриархат ответил отказом.

Считаю, патриархат поступил абсолютно правильно, потому что здесь не может быть компромисса.

И если бы они в этом случае пошли навстречу, это было бы оскорблением памяти и глубоким извращением самой позиции Льва Николаевича.

А атмосфера сейчас такая.

Толстой как моралист, Толстой как верующая личность, как человек, который хотел дать толчок религиозной реформации России, вообще, по факту, вычеркнут из публичного пространства.

Вопрос о религии и обществе – очень важный, очень острый.

И большое счастье, что пока эта ситуация развивается более или менее благоприятным образом.

Государственные органы и сами конфессии проявляют мудрость.

Но тем не менее заложенные здесь опасности, конечно, мы не можем не иметь в виду и должны об этом помнить.

Еще раз хочу выразить благодарность нашим докладчикам.

По крайней мере, я для себя узнал очень много нового о понимании религии, о состоянии религиоведения на сегодняшний день.

Спасибо.

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Спасибо большое, Абдусалам Абдулкеримович.

Коллеги, после, как всегда, очень глубокого выступления академика Гусейнова по содержанию нашего заседания, не смею что-либо добавить.

Такое заключение, конечно, дорогого стоит.

Отмечу лишь, что и все выступления были очень содержательные, интересные.

Спасибо докладчикам и за доклады, и за дискуссию, и за умение участвовать в полемике достойным образом.

Скажу несколько слов по процедурным вопросам.

Мы дозрели до того, чтобы готовить от имени докладчиков некие рекомендации по итогам обсуждения, чтобы мы через наш Научно-консультативный совет, а в некоторых случаях при поддержке президиума Академии наук могли бы предложить их обществу и властным структурам для реализации на практике.

В начале апреля у меня состоялась встреча с президентом Академии наук Геннадием Яковлевичем Красниковым, во время которой обсуждалась эта инициатива.

В числе предложенных мною вопросов, по которым НКС может составить свои предложения, в частности, были вопросы, связанные с конкуренцией, ключевой ставкой, инфляцией, устойчивостью рубля и другие.

Я поставил вопрос о том, что некоторые из рассмотренных на наших заседаниях тем имеют серьезное значение для развития экономики и общества в целом. И что надо выносить их на более широкое обсуждение и уже от

имени президиума Академии наук формулировать методы их решения.

Эта инициатива нами обсуждается давно, она связана с тем, что мы здесь, внутри уже дозрели до необходимости предлагать способы решения проблем, готовить соответствующие рекомендации.

Неоднократно на наших заседаниях высказывались мысли о том, что неправильно ограничиваться рассуждениями и обсуждениями, пусть и на междисциплинарном совете. Пора выходить на новый уровень.

Хотя Абдусалам Абдулкеримович как-то справедливо подчеркнул, что уже само обсуждение, сама постановка вопроса, само осмысление проблем очень многое значат.

И мы совсем не обязаны оформлять свои решения в виде протоколов или писем и направлять их в соответствующие инстанции.

Да, мы не обязаны, но, если мы теперь сможем подняться на этот уровень, точно от этого хуже не будет.

И это, безусловно, важно не только для того, чтобы показать, что мы умеем обсуждать вопросы на междисциплинарном уровне, это важно и для повышения авторитета Академии наук.

Если люди, в отраслевом плане погружаясь в тему, профессионально уходят вглубь, это очень здорово.

Но если они не умеют эту «глубину» потом вынести на широкий уровень, который может быть доступен для общества и для разных ведомств, то эта «глубина» может застрять и остаться в ограниченном кругу.

К примеру, к ядерной энергии можно относиться просто как к очень узкопрофессиональной проблеме.

Но когда решается вопрос, использовать ее как управляемый термояд, или как атомную бомбу, или просто как исследование, то здесь уже нужен более широкий, междисциплинарный уровень. Вот мы такую широту и должны постараться обеспечить.

Абсолютно согласен с Абдусаламом Абдулкеримовичем, что проблему религии и общества мы рассмотрели не очень глубоко.

Но, с другой стороны, толерантность, терпимость, межконфессиональность, с учетом множества конфессий в нашей стране, нужно анализировать в разных форматах, чтобы обеспечить стабильность в обществе, которая сегодня нам очень нужна.

Завершая нашу встречу, еще раз благодарю всех за глубокую, содержательную дискуссию и за активное участие в ней.

Всем удачи! Спасибо.

**Список литературы, опубликованной по итогам
заседаний НКС ООН РАН, «Открытых дискуссий»
президента АРБ и НИИ ДДиП**

1. Анализируя сегодня, говорим и думаем о будущем (18.04.2020) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 175 с.
2. Предновогодние заседания: 2020, 2021 (31.12.2020, 31.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 206 с.
3. Ответственность пациентов и врачей. Уровень здравоохранения в России (03.04.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 124 с.
4. Конкурентоспособность российской науки: проблемы и решения (03.04.2021, 17.04.2021, 15.05.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 333 с.
5. О проекте «Стратегия развития финансового рынка до 2030 года» (09.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2021. – 155 с.
6. О развитии конкуренции в сфере науки (30.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 130 с.
7. Социально-профессиональные проблемы прекаризации труда (18.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 131 с.

8. Инвалидность и жизнь (12.02.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 106 с.
9. Новая экономическая реальность: региональный разрез. Российский рынок драгоценных металлов (21.04.2022, 15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 161 с.
10. 1. Санкции. 2. Перспективы экспорта российских нефти и газа в условиях санкционного давления. 3. Интернет-торговля: текущая ситуация и перспективы (11.06.2022, 25.06.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 242 с.
11. Демография России: тренды последних лет и краткосрочный прогноз (15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 120 с.
12. Общее образование: проблемы и решения (29.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.
13. Китай: вчера, сегодня, завтра (19.11.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 189 с.
14. Одаренные дети. «Гадкие лебеди» братьев Стругацких как антиутопия кризиса образования: межпоколенческий дефолт (17.12.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 163 с.

15. 2022-й – «особый». 2023-й – риски и ожидания (31.12.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 134 с.
16. Закат общества конкуренции и коллаборативное преимущество (21.01.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 128 с.
17. 1. Мировой океан: ресурсы и влияние на климат. 2. Безусловный базовый доход: шанс для России? (04.02.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.
18. Психологическое состояние российского общества (18.03.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 192 с.
19. О мозге (01.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 187 с.
20. Китай: открытая дискуссия. Социальный рейтинг в Китае (26.04.2023, 27.05.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 185 с.
21. Индия: вчера, сегодня, завтра. Взаимодействие России и Индии в условиях глубокой структурной трансформации российской экономики (29.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 152 с.

22. Денежно-кредитная политика и монетизация экономики (13.05.2023, 11.05.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 238 с.
23. Молодежь и мошенничество (31.05.2023). Теория поколений и модели мира (22.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 158 с.
24. Социальное неравенство (10.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 145 с.
25. Национальная сила: оценка и практическое применение. Гипотеза общественного прогресса: аргументы «за» и «против» (24.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 179 с.
26. Турция: вчера, сегодня, завтра (08.07.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 102 с.
27. Научное лидерство и человеческий капитал (22.07.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 150 с.
28. Цифровые валюты центральных банков (26.08.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 151 с.
29. Общество и государство (09.09.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 163 с.

30. Искусственный интеллект (14.10.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 182 с.
31. «Зеленая» экономика: принципы и проблемы (18.11.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 164 с.
32. Институт финансового омбудсмана, его роль в развитии общества (25.11.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 152 с.
33. 2023-й – итоги. 2024-й – перспективы (30.12.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 136 с.
34. В.И. Вернадский и его наследие (20.01.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 175 с.
35. Генномодифицированные продукты: «за» и «против» (03.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 102 с.
36. Банки Китая: стратегия развития (03.02.24) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 90 с.
37. Проблема общечеловеческих ценностей, Причины ценностных противостояний в современном мире (17.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 162 с.

38. Искусственный интеллект в банковской сфере (29.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 121 с.
39. Малый и средний бизнес (02.03.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 172 с.
40. Мозговая активность в пожилом возрасте (паркинсон, альцгеймер, деменция) (06.04.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 162 с.
41. БРИКС. Платежные системы (20.04.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 173 с.
42. Цивилизация. Что это? (25.05.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 208 с.
43. Жилая недвижимость (27.07.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 166 с.
44. Общественный договор (07.09.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 186 с.
45. Банки и конкуренция: материалы «Открытой дискуссии президента АРБ» (19.09.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 100 с.

46. Жизнь и смерть. Право на эвтаназию и суицид (21.09.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 221 с.
47. Наука и власть (5.10.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 206 с.
48. Борьба с кризисом и промышленная политика (19.10.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 178 с.
49. Философия в современном мире (16.11.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 218 с.
50. Конкуренция на финансовом рынке (30.11.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 133 с.
51. Роль институтов в развитии общества (14.12.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 211 с.
52. Инфляция у каждого своя: материалы «Открытой дискуссии президента АРБ» (17.12.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 108 с.
53. Завершился 2024 год. Что дальше? (31.12.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 97 с.

54. Что такое Свобода? Свобода воли, свободы личности (15.02.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 210 с.
55. Коррупция в Китае (22.03.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 143 с.

Электронные версии сборников
можно скачать по ссылке:

<https://rannks.ru>

Религия и общество

Материалы заседания 5 апреля 2025 года

Презентации докладчиков
можно скачать по ссылке:

<https://rannks.ru/pubs/>

Подписано в печать 20.07.2026

Формат 60х90/16

Цифровая печать

Тираж 500 экз. Заказ № 71

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепропетровская, д. 3, корп. 5, пом. III

Научно-консультативный совет Отделения общественных наук РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы. В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: в каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?

Сопредседатели Совета: академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

Ассоциация российских банков учреждена в марте 1991 года. Миссия Ассоциации российских банков – реализация программы банкизации страны, создание условий для эффективного функционирования, развития банковской системы России и обеспечения ее стабильности, защиты прав, интересов банков и условий для справедливой рыночной конкуренции; участие в построении национальной финансовой экосистемы, основанной на принципах соблюдения прав и реализации комплекса мер по повышению финансовой грамотности потребителей.

Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права учрежден в конце 2019 года.

Цель института – многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия, достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.